

Фортуна благоволит грешным

Автор:

Тереза Ромейн

Фортуна благоволит грешным

Тереза Ромейн

Шарм (АСТ)

Что может быть общего у двух столь разных людей, как мужественный и благородный лейтенант военно-морского флота в отставке Бенедикт Фрост и роскошная куртизанка Шарлотта Перри? Оба они отчаянно нуждаются в деньгах, нуждаются настолько, что не задумываясь отправляются по следу преступников, укравших у казны огромную сумму золотом.

Поначалу Бенедикт и Шарлотта были лишь вынужденными союзниками, готовыми поставить на кон собственную жизнь, чтобы добиться желаемого. Но постепенно их союзничество переросло в дружбу и взаимную преданность, а дружба незаметно стала сменяться куда более нежным чувством...

Тереза Ромейн

Фортуна благоволит грешным

Theresa Romain

Fortune Favors the Wicked

© Theresa St. Romain, 2016

* * *

Глава 1

Нигде на всем свете, от словенских земель до южных морей, воздух не пахнет так, как лондонский (когда только возвращаешься после долгого отсутствия и делаешь первый вдох). Здесь, в лондонских доках, воздух был едким от угольного дыма и тяжелым от запаха протухшей рыбы из вчерашнего улова.

Когда-то, когда Бенедикт Фрост был еще двенадцатилетним мальчишкой и новичком в Королевском флоте, этот запах казался ему запахом свободы, запахом освобождения из ограниченного пространства корабля. Но теперь, будучи взрослым мужчиной двадцати девяти лет, он бы предпочел, чтобы эти запахи его не встречали, а провожали в плавание – и чем длиннее плавание, тем лучше. Если корабль был маленькой клеткой, то Англия – тоже клеткой, только большой.

Бенедикт решительным шагом сошел на берег с борта «Ардженты». К счастью, ему не придется оставаться в Англии дольше нескольких дней – еще до конца недели «Арджента» покинет порт, и он снова окажется в своей привычной среде. А до этого предстояло сделать только одно – доставить свою рукопись Джорджу Питману и договориться об оплате. Драгоценные страницы, исписанные от руки, оттягивали его наплечную сумку, в правой же руке он держал трость орехового дерева, металлический наконечник которой гулко стучал по доскам корабельного трапа.

– Эй, Фрост!

Он сделал еще шаг – и остановился.

– Эй, Фрост! – раздался тот же голос, и голос этот, осипший от морских ветров, безошибочно выдавал моряка.

Бенедикт не узнал этот голос, но, придав лицу добродушное выражение, все же отозвался:

– Сам ты «эй». Как дела сегодня?

– Подумываю об охоте за сокровищем. А ты? Собираешься гоняться за королевской наградой?

«Что-о-о?!» – мысленно воскликнул Бенедикт. Стараясь скрыть растерянность под бесшабашной усмешкой, он отвечал:

– Только не в этот раз. Зачем человеку гоняться за чужими сокровищами, если он создает свое? – В ответ послышалось хихиканье, но Бенедикт не обратил на него внимания и добавил: – А тебе желаю удачи.

Взмахнув тростью таким манером, что это можно было истолковать и как приветствие, и как «пошел к черту», он продолжил путь.

Но в доках что-то было не так – впрочем, как всегда. Хм... почему не слышно обычного гвалта и ругани? И куда подевались моряки, торгующиеся со шлюхами с их грубыми голосами. И где же возгласы и ругательства, которыми обычно сопровождается разгрузка судна? Вместо всего этого слышались приглушенные разговоры людей, сгрудившихся вокруг разносчиков газет; и все с шелестом передавали их друг другу.

Проходя мимо одной из таких групп, Бенедикт услышал, как кто-то пробормотал:

– Пишут, что это – ограбление века...

– Да, верно, – согласился кто-то. – Это ж какие надо иметь железные яйца, чтобы обворовать Королевский монетный двор.

«Скорее, золотые», – подумал Бенедикт. С тех пор, как началась война с Францией, Англию прямо-таки завалило золотом, его стало столько, что недавно пришлось пересмотреть всю систему денежного обращения. Но кредиторы все равно неохотно брали бумажные деньги и серебро. И Бенедикт их не винил. Его и самого не интересовали бумажные деньги.

И потому, шагая на запад от доков Уэппинга, он стал прислушиваться к разговорам чуть внимательнее. По мере того, как он шел по твердой земле, его походка моряка, привычного к качающейся палубе, становилась все более ровной.

И, шагая, он то и дело озирался, словно проверяя, насколько хорошо помнил Лондон. С каждой улицей город становился чуть-чуть другим, но звуки оставались все теми же самыми: повсюду – шелест газет и та же странная фраза, повторявшаяся словно эхо («кража века»!).

Однако же... Поскольку шел всего лишь 1817 год, такое заявление казалось несколько преждевременным. Шагая все дальше, Бенедикт накапливал подобную информацию, и в конце концов он вынужден был признать, что преступление, по-видимому, и впрямь было столь же дерзким, сколь и скандальным. Шесть сундуков с новенькими золотыми соверенами были украдены еще до того, как монеты пустили в оборот, – и при этом были застрелены четверо охранников. Украденное же оценивали в пятьдесят тысяч фунтов.

И это – все! Вот уже несколько недель не было ни единой зацепки относительно того, кто это сделал, и ни одна из украденных монет не была потрачена. Королевский монетный двор только что назначил за возвращение украденных денег крупное вознаграждение.

Так вот оно что?.. Это и есть та самая королевская награда, о которой говорили моряки? Видать, скоро Англия превратится в страну каперов, во имя Короны охотящихся за монетами.

Бенедикт задумался: а не присоединиться ли к ним? Ему ведь доводилось подниматься на холодный пик Монблана. И, уж конечно, он в состоянии провести несколько мягких майских деньков на своей родной земле, разыскивая спрятанные деньги. А награда, назначенная Королевским монетным двором, позволила бы ему увеличить приданое его сестры Джорджетты с жалкого до солидного. Заманчивая перспектива. Очень заманчивая! Сама мысль об охоте за наградой облегчила ноющую боль от пребывания в сердце Лондона. А что, это может быть... как будто он вовсе не в Англии.

Но его рукопись принесла бы ему такое же вознаграждение. И при этом он по-прежнему смог бы отплыть на «Арджете». Как он и сказал тому моряку, он сам создал свое собственное сокровище. И теперь пришло время его получить.

И Бенедикт зашагал дальше, еще решительнее застучав тростью по тротуару. Он шел в направлении Патерностер-роу, где располагалась контора Джорджа Питмана, издателя.

Две недели спустя

– На нем была накидка с капюшоном, который скрывал лицо, – говорила служанка кучке жадно внимающих слушателей. – Но я заглянула под капюшон и увидела его глаза. О, глаза у него были как у демона – красные и горящие, как огонь!

Шарлотта невольно закатила глаза, в которых не было ничего демонического; цветом они напоминали скорее листву, чем пламя. Скрыв лицо под густой вуалью, она сидела в общем зале постоянного двора «Свинья и плед», полного охотников за вознаграждением, и снова и снова слушала рассказ Нэнси Гофф. С каждым новым пересказом рассказ девушки слегка менялся, обрастая все новыми и новыми подробностями, так что в конце концов стало ясно: не так-то легко будет отыскать правду в этом клубке «подробностей». И все же Шарлотта уже второй нескончаемо долгий день сидела в одиночестве в углу общего зала небольшого постоянного двора в Дербишире. «Свинья и плед» был заведением самым заурядным во всех отношениях – во всех, кроме одного: неделю назад в этой самой гостинице посетитель расплатился с Нэнси золотым совереном. Поскольку же золотых соверенов пока еще не было ни у кого, кроме Королевского монетного двора, а воры, укравшие шесть сундуков не выпущенных в обращение монет... и так далее.

Это была первая, причем – весьма прочная ниточка, связанная со знаменитой кражей, и Шарлотта последовала за ней. Так же поступила, казалось, и добрая половина Англии. Шарлотта приехала сюда из убогой комнаты, которую недавно сняла в Севен-Дайалсе. Впрочем, среди тамошних воров и головорезов она находилась в гораздо большей безопасности, чем в своем роскошном доме или же на улицах Мэйфера^[1] – Мэйфер – фешенебельный район Лондона. – (Примеч. пер.)). В Дербишире ей тоже угрожала опасность, но другого рода,

поэтому она и скрыла лицо под вуалью. И поэтому сидела в одиночестве.

– Так я и знала... Похоже, думаю, с ним что-то неладно, – проворковала Нэнси, хорошенькая молодая женщина лет двадцати. Отбрасывая с плеча темные кудри, которые она сегодня, вопреки обыкновению, не покрыла чепцом, Нэнси лебедем плыла по залу постоянного двора, раздавая жаждавшим напитки и собирая монеты. – У него был такой вид... Ах, я так испугалась, что вся задрожала, аж до пальцев на ногах. Еле смогла донести до его стола эль, не расплескав.

Девушка проговорила это с необычайным восторгом, и Шарлотта невольно улыбнулась. Когда-то, десять лет назад, она была такой же восторженной. Но стала бы она пересказывать эту историю десять раз, каждый раз приукрашивая новыми деталями? Нет, она бы пересказала ее одиннадцать раз! Двенадцать! Рассказывала бы столько, сколько бы ее слушали! И, наверное, она очень походила бы на эту Нэнси. Ох, ведь даже сейчас ей ужасно хотелось присоединиться к ней! Даже сейчас ей было не в состоянии сидеть в одиночестве. И было тоскливо прятать лицо под вуалью, упуская возможность следить, как менялось выражение лиц многочисленных слушателей.

Послушать драматическое повествование Нэнси и выпить эля собралось множество народа, однако место за столом, где сидела Шарлотта, никто не занимал. Возможно, серая вуаль перед ее лицом некоторым образом делала ее почти такой же пугающей, как незнакомец с «демоническими глазами», давший Нэнси золотой. Эта вуаль ужасно раздражала Шарлотту – смотреть сквозь нее было все равно что сквозь завесу дыма. Но за годы известности – не желанной известности – Шарлотта усвоила: уж лучше терпеть неудобство в виде вуали, нежели быть узнанной.

Качнув внушительным бюстом, Нэнси подобрала со стола оброненную кем-то монету.

– У меня пошли мурашки по всему телу – и не только из-за его глаз, – продолжала девушка. – Ведь еще – и этот его плащ... Кто же так кутается весной? Только тот, кому есть что скрывать.

Шарлотта усмехнулась и подумала: «А ведь смышленная девушка».

Тут дверь вдруг распахнулась, и в зале появился новый посетитель. Шарлотте с ее места было видно всех, кто входил, и потому... Ох, что-то необычное было в этом незнакомце. И даже сама его фигура, освещенная ярким солнцем за мгновение до того, как наружная дверь за ним закрылась, тоже казалась необычной. Это был высокий смуглый мужчина в форме моряка. Но сквозь вуаль Шарлотта не могла разглядеть детали, которые подсказали бы ей, в каком он звании. И однако же... Ведь моряку, будь он хоть лейтенантом, хоть адмиралом, совершенно нечего делать в далеком от моря Дербишире. Если только он тоже не охотился за украденными сокровищами...

Должно быть, Нэнси подумала о том же самом, потому что она прервала свой рассказ и с благочестивым рвением принялась вытирать грязноватой тряпкой ближайший стол. Несколько монет – и она снова войдет в свою роль (словно механизм, который лишь следовало завести).

Стук... Пауза... Стук... Пауза...

Наконец гомон голосов окончательно стих, и теперь все смотрели на нового посетителя, шагавшего по залу. Причем каждый свой шаг он предварял ударом трости об пол – словно подчеркивая значимость своих шагов. И казалось, он говорил: «Я прибыл, черт вас подери, смотрите же в мою сторону!»

Да и кто бы мог на него не посмотреть? Его лицо с выражением решимости было подобно грозовой туче на весеннем небе, и, глядя на него, каждый знал: когда приближается шторм, лучше быть начеку. Но так продолжалось лишь до тех пор, пока он не дошел до середины общего зала и не заговорил (весьма приятным, между прочим, голосом):

– Приветствую всех. Проходя мимо, я услышал шум и гул, и это было так заманчиво, что я просто не мог не зайти. – Он чуть приподнял свои густые брови и добавил: – Вам не стоит отвлекаться из-за меня, я вполне приятный гость, уверяю вас.

Этого заверения оказалось достаточно, чтобы гомон возобновился, сначала – как слабое журчание, а потом – как рокот местного водопада Киндер после сильного ливня.

Как только Нэнси приняла у нового посетителя заказ на эль и продолжила рассказ о мужчине с «демоническим» взглядом, стук трости о дощатый пол стало почти невозможно расслышать. Пока этот звук не раздался рядом с Шарлоттой.

– Прошу прощения, можно сесть за ваш столик? – послышался вопрос незнакомца.

И в тот же миг перед Шарлоттой выросла широкоплечая фигура; голос же моряка звучал негромко и вполне учтиво. Но чтобы мужчина сел за столик к одинокой женщине, которой его не представили... Хм... это была такая дерзость. И потому Шарлотта на мгновение смутилась.

– Сюда?.. Со мной?.. – пробормотала она в растерянности. Однако во всем зале это было единственное свободное место, поэтому она кивнула: – Да, конечно, садитесь. – Ведь запретив ему сесть за ее столик, она привлекла бы к себе еще больше внимания. К тому же перочинный нож, скрытый в ее левом рукаве, придавал ей уверенности.

– Спасибо, мадам, вы очень добры. Уверяю вас, я не намерен вас беспокоить. А вы... вы совсем одна за этим столом?

– Как видите, – кивнула Шарлотта.

– Вот и хорошо... – пробормотал моряк. – Вот и хорошо... – Он отодвинул пустовавший стул и сел на него. Трость же, столь решительным стуком возвестившую о его появлении, он положил на колени. Шарлотта покосилась на него – и тут же отвела глаза. И действительно, с какой ей стати глазеть на мужчин – она и так их уже видела более чем достаточно.

Тут Нэнси проворно подошла к их столику и, поставив на стол кружку, назвала такую цену, что и Шарлотта, и моряк одновременно вздрогнули от удивления (с каждым часом цены в «Свинье и плед» все росли и росли). Но насколько это было вызвано жадностью хозяина, возможно, пользовавшегося этим моментом славы, а насколько – хитростью служанки, заметившей редкую возможность пополнить свой карман, об этом можно было только гадать. «Смышленная девушка, очень смышленная, – мысленно отметила Шарлотта. – Но надо же знать и меру...»

– Благодарю. – Моряк достал из кармана с полдюжины монет, ощупал их подушечкой большого пальца и протянул две из них Нэнси, чем и заслужил ее сияющую улыбку и реверанс. После чего она упорхнула от их столика.

Моряк же склонил голову к плечу и, взглянув на Шарлотту, проговорил:

– Это не золотой соверен, но она вполне довольна. О, мадам, не желаете ли чего-нибудь? Может, позвать ее обратно?

– Спасибо, сэр. Сейчас мне ничего не нужно, – ответствовала Шарлотта.

На дощатом столе перед ней стояла глиняная кружка с кисловатым элем, и она потягивала этот напиток уже больше часа, хотя жена хозяина постоянного двора начала уже бросать в ее сторону негодующие взгляды. Так что было ясно: скоро ей придется заказать что-нибудь еще, чтобы сохранить за собой место. Возможно – еще одну порцию эля. Или, может быть, миску тушеного мяса.

Вуаль перед лицом Шарлотты качнулась от ее вздоха. Ох, как же сегодня душно! Она бы с радостью сняла вуаль и капор с широким ободом, однако же... Ей не хотелось рисковать. И вообще, может, безопаснее было бы уйти? Или все же остаться?..

– Спасибо за место, – прервал ее раздумья сосед по столику. – Мне, видите ли, пришлось некоторое время путешествовать, и я очень рад возможности перевести дух. А зовут меня Бенедикт Фрост.

– Из флота ее величества, как я вижу, – заметила Шарлотта. – А вы ведь путешествовали по морю, не так ли?

Шарлотта умела различать воинские звания, и теперь она могла как следует разглядеть своего соседа по столику. Его синий китель с высоким воротом был довольно хорошего качества, но золотые пуговицы и белые канты свидетельствовали о том, что он – всего-навсего лейтенант. Будь это в Лондоне, в ее прежней жизни, она бы обдала его холодным взглядом, отмахнулась бы от него веером и прошла бы мимо. Но сейчас... Сейчас она кое о чем задумалась... Вот эта его трость, например, и странная манера ощупывать монеты – отчего так? Может быть, у него плохое зрение? Если бы она могла откинуть вуаль и

посмотреть на него – пристально посмотреть в его глаза, – она бы смогла понять это в одно мгновение. Для него это бы не имело значения, а вот для нее – да. Но, увы, ей приходилось прятать свое лицо...

– За последние две недели я путешествовал и по морю, и по суше, – отвечал со вздохом собеседник. – А также по реке. И еще – на колесах и пешком. А если бы имелись еще какие-то способы путешествовать, то я, вероятно, воспользовался бы и ими.

– Может, в седле, на любимом коне? – Шарлотта на мгновение задумалась. – А на страусиной упряжке не пробовали?

– О, вот тут вы меня поймали, – с усмешкой заметил моряк. – Знаете, я начинаю очень сожалеть, что никогда не путешествовал на страусиной упряжке.

Хм... Неудивительно. Ведь она, Шарлотта, только что придумала этот вид транспорта. Соскучившись по такому вот дружескому общению, она спросила:

– Лейтенант, а где именно вы путешествовали?

– Не так давно – по Франции, а потом был в Лондоне. Но я больше не служу во флоте. – На фоне загорелой кожи сверкнула белозубая улыбка. – Однако я все еще имею право носить морскую форму, и дамам, похоже, это нравится.

Какой-то бесенок подстегнул Шарлотту спросить:

– А как насчет мужчин?

– Вероятно, некоторым мужчинам – тоже. Но должен признаться, – Фрост с заговорщическим видом подался вперед, – истинная причина, по которой я ее ношу, состоит в том, что форма всегда в моде, так что мне нет нужды заботиться о сменах фасонов.

– О, вы не только привлекательны, но и практичны...

Моряк прижал руку к груди.

– Мадам, вы мне льстите.

– Нет, я просто повторяю ваши мысли.

– Но вы полагаете, что они верны. Вы признаете не только мою практичность, но и мое влияние на прекрасный пол. – Он снова усмехнулся – и как будто солнце блеснуло.

Ха! Что касается последнего, то Шарлотта действительно питала слабость к сильным мужчинам. А также к мужчинам, которые улыбались ей так, словно она и впрямь была восхитительна. Но, увы, такие солнечные улыбки всегда вызывали у нее желание раскрыться как цветок, что не раз приводило к тому, что ее... срывали.

А Бенедикт Фрост являл собой образец суровой элегантности, и его волосы, черные как сажа, были настолько же кудрявыми, насколько волосы Шарлотты были неисправимо прямыми. Кроме того – волевой подбородок и широкие плечи. И еще низкий приятный голос...

– Но с кем же имею честь?.. Если не секрет, – неожиданно спросил собеседник.

– На этом постоялом дворе никто никого не знает, и нам всем лишь остается верить, что мы те, за кого себя выдаем, – ответила Шарлотта. «Хотя вам-то не стоит верить, что я та, за кого себя выдаю». – Моя фамилия... Смит, – добавила она, чуть смутившись.

Она не могла назвать ему имя, знакомое местным жителям. А ее вымышленное имя – Шарлотта Перл – в Лондоне знали слишком многие, так что и его ей не хотелось называть.

Моряк сделал большой глоток из своей кружки и проговорил:

– Что ж, миссис Смит, рад нашему знакомству. Хотя я не всегда доверяю случайным знакомым, – заявил он все с той же ослепительной улыбкой.

– О, я не думаю, лейтенант Фрост, что положение этого требует, – заметила Шарлотта. – Да и вся эта толпа собралась здесь вовсе не потому, что во что-то

верит. Их сюда привела... улика.

– То есть свидетельские показания служанки, – уточнил Фрост. – И, прошу вас, называйте меня просто «мистер», ведь я теперь уже не на службе.

Упоминание о служанке прозвучало на редкость вовремя, поскольку компания гостей, произношение которых выдавало жителей Блумсбери, уговорила ее в очередной раз рассказать о встрече с незнакомцем в плаще.

– У него были глаза... как у кота! – в возбуждении воскликнула молодая женщина. – И они светились в темноте!

И не важно, что в предыдущих версиях она упоминала о том, что «в лучах полуденного солнца было хорошо видно, из какой грубой ткани был его плащ». Кроме того, оказалось, что он оставил золотую монету примерно в то же время дня, что было сейчас, – только неделей раньше. Ах, если бы Шарлотта находилась тогда здесь и могла бы увидеть, как все происходило в действительности!

– Монета была вполне реальной, – заметил Фрост. – Так что это, возможно, действительно улика.

Говорил он довольно тихо, а движения его рук были размеренными и плавными (сначала он провел ладонью по краю стола, потом скользнул пальцами по столешнице, чтобы найти кружку). Такие движения и голос могли быть у человека, предпочитавшего слушать, а не быть услышанным. И теперь уж Шарлотта была уверена: он очень плохо видел. От этого открытия она испытала огромное облегчение – напряжение мгновенно спало. Невольно улыбнувшись, Шарлотта сказала:

– Сначала служанка говорила, что это была гинея, потом она об этом как бы забыла, но вчера утром, когда ее допрашивал сыщик с Боу-стрит, она в этом поклялась.

Тот лондонский сыщик все больше раздражался по мере того, как становилось все яснее, что Нэнси не могла сообщить никаких деталей, позволивших бы установить личность человека с золотым совереном. Возможно, именно поэтому Нэнси теперь с каждым пересказом добавляла все больше подробностей.

– Хм... значит, она за весь день ни разу об этом не упомянула... – в задумчивости протянул Фрост.

– Ну... возможно, она стыдится. Может быть, ей стыдно, что она не знает, как отличить одну золотую монету от другой. Или из-за того, что приняла монету, хотя, возможно, и понимала, что она – краденая. А сыщику потом солгала. В общем – одно из двух.

– Чего только не скроешь, чтобы избежать неприятностей, – заметил Фрост. – Или ради обещанной награды.

Он сделал еще один большой глоток из кружки. Шарлотта же не могла себя заставить пить этот эль – только потягивала. Ах, годы жизни в Лондоне сделали ее разборчивой...

– А ведь Смит – не настоящее ваше имя? – неожиданно спросил собеседник.

Шарлотта прижала ладонь к стене, чувствуя сквозь перчатку холодную шершавую поверхность кирпичной кладки.

– Мистер Фрост, почему вы так думаете?

– Потому что вы не задаете вопросы, которые задают все, кто со мной встречается. И это наводит меня на мысль, что вы сами не хотите отвечать на вопросы.

Шарлотта немного помолчала, обдумывая слова собеседника. Потом, пожав плечами, ответила:

– Вам тоже нет нужды отвечать на все мои вопросы.

И действительно, она даже не спрашивала его имя – он сам назвался. Да она бы и не спросила. Потому что задавать вопросы – значит заглядывать за вуаль собеседника. А она не могла ответить ему тем же.

– Все в порядке, миссис Смит. Вы, кажется, кое о чем гадаете. Так вот, мой ответ – «нет». Я совсем не вижу.

Пока Шарлотта пыталась придумать подобающий вежливый ответ, он улыбнулся ей и произнес:

– Ну, а теперь, когда с этим вопросом покончено, скажите мне, как здесь кормят? Мне нужно как следует подкрепиться, прежде чем пускаться на поиски денег.

Глава 2

– Здешнее тушеное мясо такого же качества, как и эль, так что выводы делайте сами, – отвечала миссис Смит с нотками смеха в голосе. – И поскольку вы сказали, что не видите... Возможно, вы не замечаете эту деталь, поэтому должна сообщить: вы совершенно правы насчет того, как ваша форма действует на женский пол. Миссис Поттер, жена хозяина «Свиньи и пледа», вам улыбнулась, и это была единственная улыбка, которую я за все это время увидела на ее кислой физиономии. А если вы хотите улыбнуться ей в ответ... Она сидит в противоположной части зала, по правую руку от вас.

Что ж, вот и все. Она узнала о его слепоте, приняла ее как факт и больше ничего не собиралась об этом говорить.

– Очень приятно сознавать, что я могу подсластить кислую мину на женском лице, – отозвался собеседник. – Спасибо, миссис Смит.

Бенедикт был благодарен своей собеседнице не только за ее оценку кухни в «Свинье и пледе». Ему потребовались годы, чтобы научиться идти по жизни без помощи зрения. Так же, как и на то, чтобы улыбаться, когда было совсем не до смеха, или же просить о помощи, когда хотелось проклинать темноту на чем свет стоит.

После отвратительного разговора с Джорджем Питманом у Бенедикта не было настроения улыбаться. Но сейчас улыбнуться оказалось не так уж трудно. Он

даже повернулся направо, в направлении незнакомой миссис Поттер, и изобразил подобие улыбки.

А его собеседница вдруг заявила:

– Знаете, а вы правы, я вовсе не миссис Смит. Но я буду вам весьма признательна, если вы продолжите так называть меня.

– Очень разумно с вашей стороны, – отозвался моряк. – Украденные деньги не найдешь, если доверять важные секреты первому встречному.

– Мистер Фрост, мое имя – не какой-то важный секрет. – Шарлотта тихо рассмеялась.

– Я ни на что подобное и не намекал. Уверен, вопрос о том, кто вы такая на самом деле, – очень скучная тема. Только самые обычные люди, ведущие самую что ни на есть скучную жизнь, разгуливают под фальшивыми именами, скрывая лицо под вуалью. – Спросить, откуда он знал, что она носила вуаль, Шарлотта не успела. Собеседник взмахнул рукой и добавил: – Я знаю, что у вас что-то есть перед лицом. И это влияет на ваш голос.

– Проклятая вуаль влияет на обзор еще сильнее, чем на голос, – пробурчала Шарлотта достаточно тихо (чтобы моряк мог сделать вид, будто не услышал из ее уст слово, не подобающее благовоспитанной леди).

Это слово и в самом деле его удивило – как если бы он застал леди раздетой. А в том, что она – именно леди, Бенедикт несколько не сомневался, пусть даже она сидела в одиночестве и скрывала свое настоящее имя. У нее был выговор весьма образованной женщины благородного происхождения, а в Англии речь – это все. «Боже, какая ужасная страна! – мысленно воскликнул Бенедикт. – Проклятые улицы, проклятые воры, проклятые дилижансы, которые не приходят точно по расписанию, которое человек запомнил! Но хуже всего – проклятый Джордж Питман!» Да-да, именно из-за которого он, Бенедикт, все еще торчал в Англии, а не бороздил весеннее море.

Отчет Бенедикта о его путешествиях Питману понравился, и издатель сказал, что готов опубликовать книгу, но только – как роман. «Не может такого быть, чтобы все это проделывал слепой, подобное исключено», – заявил Питман.

Издатель сидел за письменным столом, и стул под ним заскрипел, когда он откинулся на спинку. От его одежды исходил запах дешевого табака, ужасно раздражавший Бенедикта.

– Фрост, у вас великолепное воображение, но ведь всякому ясно, что это – ваше сочинение, а вовсе не мемуары. – Издатель тихо засмеялся и добавил: – Это увидит даже слепой.

И в итоге бесценные страницы его рукописи не остались у Питмана. И ни у какого другого издателя. Все они высмеивали Бенедикта так же, как и Питман. Высмеивали почти сразу же. Так что... увы, ему не заработать состояние самостоятельно. Во всяком случае – не при содействии лондонских издателей.

Бенедикт тяжело вздохнул и, сделав глубокий вдох, постарался успокоиться. А миссис не-Смит тем временем говорила:

– Я от кого-то слышала, что когда человек теряет зрение, остальные его чувства обостряются. Вы тоже такое обнаружили – или это ложь?

«Я обнаружил, что это полное дерьмо», – подумал Бенедикт. Но вопрос был задан вежливо, поэтому ответил он столь же вежливо.

– Да, я слышал нечто подобное. Обычно так говорят зрячие люди в качестве ненужного утешения. Но усилия, которые мне пришлось затратить, чтобы приспособиться к жизни в мире зрячих, убедили меня в обратном. Так что я бы сказал по-другому: я научился замечать вещи, которые другие не замечают.

– Например, женщину под вуалью?

– Мадам, сомневаюсь, что я – единственный, кто вас заметил.

Конечно, любому, заметившему женщину, которая прячет лицо под вуалью, станет любопытно. Даже после четырех лет жизни, в течение которых он мог полагаться только на слух и сообразительность, у Бенедикта не пропала привычка гадать, как человек выглядит. У миссис Смит был голос красивой женщины. Но как именно красивой? Была ли она пышной брюнеткой? Или стройной дамой с золотистыми волосами? А может, пышной и золотоволосой?

Или же стройной брюнеткой? Ох, сколько же существовало вариантов женской красоты! И Бенедикт скучал по возможности видеть их все. Если бы он встретил ее в другое время, в другом месте, например, на приеме у посла или между длинных рядов полок в книжном магазине, когда-то принадлежавшем его родителям, он, возможно, мог бы позволить себе вольность прочесть черты ее лица кончиками пальцев.

– Я надеюсь, что это так, – сказала собеседница, и у Бенедикта промелькнула мысль, что она давала ему разрешение именно так и поступить.

– Прошу прощения... вы о чем? – пробормотал он, чуть смутившись.

– Я надеюсь, что вы единственный обратили на меня внимание. Я здесь для того, чтобы слушать, а не для того, чтобы привлекать к себе внимание.

Ах, да-да, конечно... Это звучало гораздо разумнее, чем если бы загадочная образованная женщина жаждала внимания грубых незнакомых мужчин.

– Мне бы хотелось того же, – с усмешкой заметил Бенедикт. – Но когда человек входит в комнату, стуча тростью в пол... в таком случае вполне можно ожидать, что на него будут смотреть.

– О да, это очень действенный способ объявить о своем присутствии. Думаю, в свете найдется немало мужчин и женщин, которые использовали бы такой же метод на балах, если бы им только пришло это в голову.

– Моей сестре двадцать лет, и она жаждет участвовать в нынешнем сезоне. Возможно, я посоветую ей прибегнуть к такому способу, чтобы стать заметной фигурой, – отозвался Бенедикт.

Его трость с металлическим наконечником, крепкая и надежная, не только помогала ему прокладывать путь в мире зрячих, но рассказывала о многом другом, например – о покрытии дороги. А движение воздуха в помещении подсказывало его размеры. В этой же общей комнате воздух был влажным и густым – Бенедикт чувствовал это кожей. Здесь явно собралось множество людей, и каждая пара легких была как кузнечные мехи, а каждое сердце – как маленький очаг. Людей можно было ощущать точно так же, как тростью – полы.

И еще он почувствовал, что толпа постепенно затихала. Как он сможет узнать их секреты, если одно его присутствие погружало их в молчание? Но, с другой стороны, как он смог бы добраться до королевской награды, если бы его окружал бесполезный гам и шепот сплетников?

Наверное, следовало начать с другого – воспользоваться рекомендательным письмом его друга Хьюго Старлинга к местному викарию, а не идти наудачу в общественное место. Какие улики он надеялся найти самостоятельно и что рассчитывал услышать? Ведь ему мог бы гораздо больше рассказать человек, много лет прослуживший здесь викарием. Друзья Хьюго, преподобный Джон Перри и миссис Перри, ожидали его сегодня. Так что он вполне мог бы уйти прямо сейчас. Да-да, нет смысла сидеть здесь дольше. Общение с женщиной, какой бы прекрасной она ни была, не принесет ему королевскую награду.

Отодвинув от стола свой стул, Бенедикт встал и проговорил:

– Мадам, мне нужно уходить. Желаю вам удачи в ваших поисках.

– Так скоро, мистер Фрост? Но вы же ничего не поели. – Шарлотта помолчала. – Уж простите мне мое замечание, просто я удивилась. Мне казалось, вы были решительно настроены подкрепиться, прежде чем присоединиться к орде искателей сокровищ.

– Но вы же мне сказали, что здешняя еда так же хороша, как и питье. А мне доводилось пить эль лучше этого даже на борту корабля после трех недель плавания. – Бенедикт усмехнулся. – Так что я, пожалуй, пойду. Здесь мне больше нечего искать.

Ему следовало быть осторожным и улыбаться, чтобы люди рядом с ним чувствовали себя непринужденно. Иначе он превратился бы в карикатурный персонаж – вроде героя из сказки «Красавица и чудовище». В детстве его сестре Джорджетте нравились эти старые сказки, она даже читала их в оригинале, на французском. Вот оно, преимущество того, что их родители владели книжным магазином. Преимущество читать слова, написанные на странице. Те же, кто воспринимал подобную возможность как должное, были просто глупцами.

– Я надеюсь, – проговорила миссис не-Смит бархатным голосом, – что здесь все-таки еще можно кое-что узнать. И я намерена отведать здешнего жаркого и

подождать еще несколько часов.

– Вы полагаетесь на удачу? – осведомился моряк.

– Совершенно верно. Больше не на что.

– Что ж, спасибо за возможность с вами познакомиться. – Бенедикт поклонился на прощанье.

Обратный путь к двери был легким – он просто мысленно проделал тот же путь в обратном направлении, то есть прошел в переднюю и к выходу на улицу. И на сей раз ему не было нужды стучать тростью в пол, прислушиваясь к эху. Он мог уйти, не устраивая из своего ухода представление. А уходить было пора – следовало найти друзей Хьюго и узнать, что они могли ему рассказать. А потом – куда-то ехать и что-то делать, чтобы найти эти проклятые золотые соверены. А когда он их найдет, когда получит награду... Вот тогда он и сможет обеспечить себе и Джорджетте такую жизнь, какую они с сестрой заслуживали.

Весь мир может думать, что слепой не в состоянии написать книгу о путешествиях. Но даже самые отъявленные скептики должны понять: никто не сможет найти не замеченные другими пути лучше, чем человек, который не видит.

Стоило только Фросту уйти, как его место за столом Шарлотты занял мужчина, от которого пахло элем и табаком.

– Позвольте мне быть вашим спутником, – сказал он. – Не стоит хорошенькой даме оставаться одной. Тем более – в таком месте.

Это оказался тучный парень в домотканой одежде, щетина же на его подбородке была таковой, что ее при желании можно было бы назвать бородой. Он говорил с явным дербиширским акцентом, но Шарлотта не думала, что он из местных. Хотя, конечно, теперь она уже не могла сказать, что знала в лицо всех жителей Строфилда. С тех пор как она здесь жила, прошло десять лет, лица изменились, да и сами жители могли смениться.

Шарлотта тихо вздохнула.

– Откуда вы знаете, что я красивая и что я одна?

– Потому что малый, который тут с вами сидел, только что ушел.

– Он не был со мной.

– Значит, вы в любом случае одна. – Парень пожал плечами. – А я за вами присмотрю.

– В этом нет необходимости.

– Полно вам, мисс. Разве это по-дружески?

– А разве по-дружески навязывать свое общество женщине, которой вас не представили?

Парень в недоумении заморгал, потом заплетающимся языком пробормотал:

– А ты та еще штучка... Что ж, если хочешь, чтобы меня представили, давай кого-нибудь позовем.

Он повернулся и подался вперед – как будто собирался позвать кого-то из противоположной части зала. Шарлотта тотчас вскочила на ноги и проговорила:

– Нет-нет, не надо.

Должно быть, парень уловил ее движение краем глаза. Потому что снова повернулся к ней и, посмеиваясь, сказал:

– Да ты не стесняйся. Нэнси вон не стеснительная. – Он схватил Шарлотту за запястье своей мясистой рукой. – Может, она к нам присоединится. Эй, Нэнси!

Шарлотта всегда считала, что полупьяные мужчины – хуже всего. Трезвых можно урезонить, тех, кто пьян в стельку, легко оттолкнуть, а вот этот мерзавец находился в самом опасном состоянии, то есть на той стадии, когда мужчины забывают о хороших манерах и выходят из себя. Причем его пальцы все крепче

сжимали ее запястье...

До сих пор все было в порядке, ни один мужчина не обращал на нее внимания, а сейчас дело выглядело так, будто Бенедикт Фрост заявил на нее права, а потом оставил. И теперь вместо того, чтобы быть самой по себе, самой себе хозяйкой, она оказалась открытой для любого, кто захотел бы на нее притязать. Или, во всяком случае, так думал этот... субъект.

Но Шарлотта не винила Фроста, ему же нужно было где-то сесть. Нет, она винила этого пропитанного элем мужлана.

– Отпусти! – процедила она сквозь зубы. – Или то, что последует дальше, тебе не понравится.

– О, мне понравится, – ухмыльнулся пьянчуга. Возможно, этот идиот превратно истолковал ее слова.

А Нэнси тем временем, услышав зов посетителя, уже пробиралась к столу Шарлотты. Любопытные же гости внимательно следили за служанкой. Тяжко вздохнув, Шарлотта осмотрелась в поисках сыщика с Боу-стрит. Этот невысокий мужчина с бородой выделялся среди посетителей своим произношением. Но сейчас Шарлотта его не слышала и не видела. Что ж, значит, она предоставлена самой себе...

Свободной рукой Шарлотта выхватила из рукава перочинный нож, прижала его к мясистому большому пальцу пьянчуги и проговорила ележным голосом:

– Дорожишь своим пальцем? Имей в виду, можешь остаться без него. Поэтому советую тебе немедленно убрать свою руку.

Но парень еще крепче сжал ее запястье. И тотчас же по его пальцу потекла капелька крови.

– Ах ты сука! – рявкнул он. И, разжав руку, стал сосать рану. – Стерва, ты меня порезала!

– Это ты сам себя порезал, когда сжал мою руку.

Шарлотта с отвращением посмотрела на нож, вытерла лезвие о свой рукав и снова спрятала нож. Слава богу, что на ней было платье из темно-синей саржи.

– Тот, кто винит в собственных промахах женщину, не мужчина, а его жалкое подобие, – добавила она, безглаголиво поморщившись.

– Чертова шлюха! – прошипел парень.

– Возможно – куртизанка, – пробормотала Шарлотта. – Но это – совершенно другая профессия.

Когда он начал подниматься на ноги и сунул руку в карман плаща – уж не за своим ли ножом? – Шарлотта решила, что не стоит более тратить время на посвящение его в тонкости словаря содержанки. Бросив на стол несколько монет, она резко развернулась и ушла.

Нет, не убежала. Именно ушла.

И она действительно хотела уйти. Во всяком случае – была к этому готова. Ей следовало каким-то образом найти человека, давшего Нэнси золотую монету, но она понимала, что ничего не достигнет, слушая, как служанка раз за разом повторяет какую-то чепуху про демонов, котов и предчувствия. За два дня, потраченные зря, Шарлотта узнала только одно: Нэнси была падка на монеты и похвалу. Что ж, весьма распространенный тип женщин... И она ушла так поспешно вовсе не из-за подвыпившего мужлана. Просто ей хотелось на свежий воздух, вот и все. А то, что она шла быстрым шагом, – так это ее обычная походка, она всегда ходила быстро.

Шарлотта шла по знакомой – слишком знакомой! – главной улице. Шла, то и дело обгоняя прохожих. Солнце же светило не очень ярко, и ее вуаль изрядно трепал холодный ветер – вот почему на глазах у нее выступили слезы. Да-да, только от холодного воздуха, а вовсе не от какого-то глупого избытка чувств. Она слишком искушенная, слишком много повидала, так что грубость какого-то пьяного мерзавца не могла на нее подействовать. А то, что пришлось пустить в ход нож, – это совершенно ее не тревожило.

Шарлотта юркнула в просвет между двумя домами, сняла вуаль и капор, зажала их под мышкой и покрыла голову светлой шалью, свисавшей до локтей.

Освободившись, наконец, от опостылевшей вуали, она осмотрелась – и заморгала, чувствуя, что все краски стали ярче.

Небо было до боли голубым, деревья уже покрылись густой листвой, дома из темного песчаника или потемневшего от времени красного кирпича были крыты сланцем или соломой, те же, которые покрыли дранкой, выглядели так, словно выросли из земли. На центральной лужайке, словно грибы после дождя, выросли палатки. А постоянный двор «Свинья и плед» заполнили приезжие, и некоторые местные жители стали сдавать внаем комнаты в своих домах (с каждым днем сюда прибывало все больше охотников за сокровищем).

До окраины деревни было недалеко, а оттуда Шарлотта собиралась пройти через земли Селвина. Каменистая земля Северного пика вовсю зеленела, позже овцы объедают почти всю растительность до самых корней, а оставшееся будет выжжено летним солнцем. Где-то там, в расщелинах старых камней на пустошах, должны быть спрятаны золотые монеты – наследство для маленькой девочки, жившей в доме викария. Если, конечно, все выйдет так, как хотела Шарлотта.

Она перелезла через каменную ограду, окружавшую земли Селвина, – так она срежет угол и быстрее дойдет. Минут на десять. Казалось, что глупо так спешить, ведь в конце пути ее ожидала все та же обстановка – напряженное молчание, пресная пища и одинокое сидение в каком-нибудь углу. Впрочем, на протяжении тех нескольких минут, что она разговаривала с Фростом, она не чувствовала себя одинокой. Но, увы, такое с ней случалось не так уж часто. Жизнь Шарлотты Перл – при всех ее удобствах и роскошествах – не позволяла расслабляться.

Шарлотта прищурилась и посмотрела вдаль. Какие-то три фигуры... Уж не отряд ли охотников за сокровищами шагал по земле Селвина? Ох, наверняка они... Даже издали было видно, что эти люди несли кирки и лопаты. Что ж, удачи им. Если Эдвард, или леди Хелена, или кто-то из их слуг заметят, что они вторглись в частные владения, их потащат к судье. Сама же Шарлотта, пересекая земли Эварда, надеялась на его благосклонность – ведь они были старые знакомые. Несколько шагов по его земле – самая малая плата за то, что он ей должен, хотя она от него ничего не хотела. Во всяком случае – не сейчас.

Троица с лопатами и кирками подошла чуть ближе, и теперь их можно было различить вполне отчетливо. Причем тот, кто шел первый... В нем было что-то

очень знакомое. Кого же он ей напоминал?

Да ведь это Рэндольф!

Ни секунды не раздумывая, Шарлотта перемахнула через вторую каменную ограду. И тут же пригнулась, спрятавшись за стеной. Руки ее дрожали, и, пытаясь унять дрожь, она крепко сжала кулаки. «Дурочка, это не может быть Рэндольф!» – мысленно восклицала она. Только не здесь, не с лопатой на плече. Маркиз – при его-то богатстве – не станет утруждать себя охотой за сокровищами. Хотя... Возможно, он притворялся, что охотился за ними, на самом же деле искал женщину, на которую, как он считал, имел полное право.

Нет-нет, не может быть! Конечно же, это не Рэндольф! Ведь когда она спряталась за каменной оградой, ей вслед никто не закричал.

Шарлотта стиснула зубы и осмелилась выглянуть из-за стены. Мужчины подошли еще ближе, и тот, которого она приняла за Рэндольфа... Шарлотта с облегчением вздохнула. Этот улыбающийся мужчина казался такого же крепкого сложения, как и Рэндольф. Но маркиз-то был темноволосым, а у этого мужчины волосы были светлые.

Шарлотта скользнула обратно в свое укрытие и прошептала себе под нос:

– Спокойно, спокойно, надо успокоиться...

Через минуту-другую она снова выглянула из-за стены. Потом, наконец, выпрямилась во весь рост. То, что ей на каждом шагу виделись знакомые лица, было вполне естественно. Когда возвращаешься туда, где ты родился, этого и следует ожидать. Даже если люди, которых ты когда-то видел или боялся увидеть, остались в прошлом.

Подождав еще немного, Шарлотта продолжила свой путь. Еще минута ходьбы – и вот она уже у границ сада за домом викария. А неподалеку горничная, натянув веревку, развешивала постельное белье.

Шарлотта остановилась.

– Сара?.. Почему ты развешиваешь белье? Я думала, мои родители отдают его в стирку прачке.

Поверх белья выглянула голова в чепце, и на Шарлотту взглянула пара темных глаз.

– Мисс Перри! – воскликнула горничная. – Не ожидала, что вы так скоро вернетесь.

Конечно, у Сары Баррет не было ни малейших оснований ожидать появления Шарлотты в какое-то определенное время. И вообще, это был ее первый визит в Строфилд за последние четыре года. Но они с Сарой были почти ровесницами, и горничная к тому же росла бок о бок с обеими сестрами Перри.

– Дело в том, что миссис Фанкот, – проговорила Баррет с величайшим презрением, – забыла убрать постиранное белье перед ливнем, который прошел этой ночью. А сегодня прислала его нам совершенно сырым. Сказала, что если мы хотим, чтобы она его досушила, то тогда она возьмет с нас деньги как за еще одну недельную стирку.

– Какая вымогательница! – возмутилась Шарлотта.

Горничная тут же закивала.

– Да-да, я тоже так подумала. Вот я и сказала ей, что пусть даже не думает, что она – единственная прачка в Строфилде.

– А разве не единственная?

– Нет, конечно. – Баррет фыркнула. – И давно пора ей об этом напомнить. Хозяйка дала мне свободу действий в таких вопросах, и уж я их решу, будьте покойны.

Шарлотта взяла с табуретки пригоршню прищепок и стала подавать их горничной по мере надобности. Баррет управлялась с простынями с непринужденной грацией, которой Шарлотте никогда не удавалось достичь. Сейчас, когда она об этом подумала, ей пришло в голову что она, в сущности,

вообще не умела делать ничего полезного.

А вот Сара Баррет неплохо устроилась. Доходы викария были слишком малы, чтобы держать экономку, но положение в доме Баррет мало чем отличалось от положения экономки. У нее в помощниках была еще одна горничная плюс несколько слуг, работавших на кухне, и она всегда знала, что происходило в поместье викария.

– Как мой отец? – поинтересовалась Шарлотта.

Баррет выронила прищепку и тут же воскликнула:

– Ой, мисс Перри, простите! – Она скрылась за банным полотенцем. Когда же выпрямилась, подняв прищепку, ее щеки покраснели. – Со здоровьем у него все в порядке. Он только беспокоится, вот и все. Вы же знаете, какой он...

– Да, знаю, – кивнула Шарлотта.

– Это все из-за гостя, который к нам приедет, – продолжала горничная. – Он хочет, чтобы все было безупречно.

– В таком случае его ждет разочарование.

– И со всеми этими пришлыми людьми, что ищут золото, он был ужасно занят, – вновь заговорила Баррет. – Сегодня утром кто-то свалился с обрыва...

– Боже правый!.. – воскликнула Шарлотта. Местный водопад был невелик, но он пробивался сквозь россыпь острых камней.

– ...И друзья этого человека рвались затащить его в гостиную, чтобы викарий над ним помолился.

– Докторам достаются пациенты, у которых есть надежда, а безнадежных получает церковь, – со вздохом заметила Шарлотта. – Ты ведь не позволила им затащить труп в дом?

– Ну, он был не совсем чтобы труп. Но нет, они отнесли его в конюшню, и ваш отец выходил к нему туда.

Что ж, и это имело смысл. Викарий не мог позволить себе содержать карету и лошадей, так что конюшня была всего лишь небольшим сараем для хранения всякой всячины, которой больше нигде не нашлось места. Там хранились инструменты, которые отдали церкви, потому что их уже невозможно было наточить, а также треснутые вазы, пожертвованные церкви. И каждый дар, каким бы он ни был бесполезным, надлежало принимать с благодарностью.

– Э-э... а тот мужчина все еще в конюшне?

– Нет, друзья его уже утащили. Может статься, что он все-таки остался жив. Сила молитвы и все такое...

– Да, верно, – пробормотала Шарлотта. – Полагаю, эти друзья не дали викарию даже шиллинга.

– Про это они, кажется, совсем забыли, – процедила Баррет сквозь зубы, потому что в этот момент держала в зубах прищепку.

Нашествие охотников за сокровищем стало благом для тех в Строфилде, кому было что продавать. А тем, кто отдавал бесплатно, как, например, викарий, оно несло только дополнительные труды и расходы.

– Хорошо бы они взяли что-нибудь у меня, – сказала Шарлотта. – Я имею в виду родителей.

Разумеется, у нее не было особых богатств, но все же... И ведь все последние десять лет преподобный Джон Перри и миссис Перри отказывались принимать от дочери хоть какую-то помощь. Отчасти из-за гордости, отчасти из-за чувства долга, но больше всего – из-за стыда. И теперь у Шарлотты возникало ощущение, что она нисколько не лучше тех, кто налетал на дом викария как саранча, много брал, но ничего не давал взамен. Но это – пока. И ненадолго.

Шарлотта уже хотела задать очередной вопрос, но тут Баррет сказала:

– Мисс Перри, если позволите заметить, не следовало вам заходить на земли Селвинов. Если леди Хелена вас застукает, она страшно рассердится.

– Значит, ты видела, как я пряталась? Знаешь, мне показалось, что я заметила ее работников. – Это было вполне правдоподобное объяснение происходившего у каменной ограды. – Как глупо с моей стороны... Оказалось, это были всего лишь трое искателей королевской награды с лопатами и кирками.

– Это леди Хелене тоже не понравится, – заметила Баррет.

– Разве ее муж не в поместье? – Ее мужем был Эдвард, который женился на дочери графа и наплодил сыновей. Шарлотта слишком часто видела его в Лондоне, и ей не хотелось увидеть его еще и здесь.

– Нет, он в гостях у какого-то благородного джентльмена, – ответила Баррет, презрительно фыркнув.

– Хорошо, очень хорошо... – закивала Шарлотта.

Отдав оставшиеся прищепки Баррет, она прошла по двору и подошла к обшарпанной двери парадного входа. Постучалась и подождала немного. Затем повернула дверную ручку. Служанка, как всегда, где-то пропадала, так что не могла открыть. Интересно, как родители такое терпели?

Сразу за дверью находилась прихожая – стены в ней были обшиты панелями, – которая переходила в узкий длинный коридор. Переступив порог, Шарлотта позвала:

– Папа, это я!

– Конечно, ты, – раздалось из маленькой гостиной слева от нее. – Только ты зовешь меня папой с тех пор, как умерла твоя сестра, упокой Господи ее прекрасную душу.

«Отец, как всегда, полон искрометного веселья», – мысленно вздохнув, Шарлотта заглянула в комнату, чтобы поздороваться с родителем.

Передняя гостиная была лучшей комнатой в доме, и Шарлотта старалась не смотреть на нее глазами лондонцев, которые заметили бы каждое пятнышко и старенькие обои в цветочек. Вязанные крючком ковры связали в детстве Шарлотта и ее старшая сестра Маргарет. А отец сейчас казался таким же поблекшим, как эти потертые ковры.

Преподобный Джон Перри отложил в сторону толстую книгу и снял очки. Посмотрев на дочь, тихо сказал:

– Не забудь, что в коридоре, за дверью кабинета твоей матери, нужно соблюдать тишину. Она очень не любит, когда ее отвлекают от работы над переводами. – Шарлотта еще не успела ничего ответить, как отец, неодобрительно цокнув языком, поднялся с кресла. – Дитя мое, тебе следует переодеться. Прими респектабельный вид, ведь сегодня к нам приезжает друг лорда Хьюго. Ты ведь не забыла?..

– Да, папа, конечно, я помню. – Она бы при всем желании не могла об этом забыть, поскольку за два дня, прошедшие с момента ее приезда, ей говорили об этом раз семьдесят пять. Лорд Хьюго Старлинг, младший сын герцога, был единственным светским человеком из всех знакомых ее родителей. Если, конечно, не считать супругов Селвин и саму Шарлотту (о ней-то родители постоянно забывали). Будучи одним из самых уважаемых молодых ученых, лорд Хьюго написал преподобному Джону Перри после того, как прочел один из переводов миссис Перри и пришел в восхищение. Последовавшая за этим переписка касалась множества разных тем – каких именно, Шарлотта понятия не имела. Однако же, когда Шарлотта прибыла в дом отца, тот не без гордости сообщил ей, что один из друзей лорда Хьюго написал книгу и что этому другу понадобилось место в Дербишире, где он мог бы на время остановиться. По состоянию здоровья ему было неудобно останавливаться в гостиницах, поэтому он остановится у доверенных корреспондентов – нет, у друзей! – лорда Хьюго.

Пастор ожидал, что дочь восторженно ахнет, но ее подобные вещи мало интересовали. Она не планировала задерживаться в Дербишире надолго и вовсе не собиралась общаться с этим, по всей вероятности, эксцентричным джентльменом.

– Папа, я помню абсолютно все, что ты мне говорил, – отчетливо проговорила Шарлотта. – Не беспокойся, все будет в порядке. Я буду вести себя прилично.

И она очень надеялась, что этот друг лорда Хьюго также будет вести себя прилично. Но на всякий случай она все же решила по-прежнему носить при себе перочинный ножик. И даже подумала о том, что, возможно, следовало дать такой же и Мэгги.

– Мне не нравится, что ты будешь спать в одной комнате с Мэгги, – пробормотал преподобный. – Видишь ли, это... Думаю, что это неприлично.

Единственная внучка викария и его жены, десятилетняя Мэгги, названная в честь их старшей дочери, занимала светлую комнату в верхнем этаже дома. Считалось, что эта комната не так хороша, как свободная спальня, которую держали для редких в доме гостей, но Шарлотта была бы рада жить в одной комнате с племянницей.

– Да, возможно, – кивнула она. – Но какие у нас варианты? Ведь если бы друг мистера Старлинга делил комнату со мной – это было бы еще менее прилично.

Преподобный закатил глаза.

– Дитя мое, не говори такие вещи! Никогда не знаешь, кто может тебя услышать.

Да, правильно. Единственная проблема – риск быть услышанным. Шарлотта не разделяла переживаний отца из-за приличий, но очень за него огорчалась. Бедный отец! Он выглядел таким худым... и совсем поседел. В его возрасте ему бы следовало наслаждаться спокойной жизнью где-нибудь в Бате, а не растить внуку. Или принимать в гостях блудную дочь...

– Папа, ты, похоже, устал. Пожалуйста, присядь, а я позабочусь о том, чтобы все было готово к приезду твоего гостя. Кстати, как его зовут?

Викарий все время называл гостя «другом лорда Хьюго», но вряд ли такое обращение будет уместным, когда этот джентльмен, наконец, появится в доме.

– Его зовут... Забыл! Но он солдат. Или нет... Кажется, моряк. В общем, он из тех, кто плавает по морям.

– Значит, моряк, – подсказала Шарлотта. И почему-то вдруг начала волноваться. Чуть помедлив, она спросила: – А он случайно не лейтенант?

– Похоже, что так, – отозвался пастор. – Хотя он не требует, чтобы его именовали по званию. О, теперь вспомнил! Его фамилия Фрост.

«О, черт!» – мысленно воскликнула Шарлотта. Она стянула с себя шаль, отбросила ее в сторону и, стараясь говорить как можно спокойнее, сказала:

– Что ж, с нетерпением жду встречи с ним.

Это была не совсем ложь – но и не совсем правда. Ей придется встретиться с ним, уже зная, что он искал украденные союзеры, а он, в свою очередь, знал, что она тоже их искала. К тому же при их первой встрече она назвалась вымышленным именем. Но она-то знала, что он слепой, а вот ее отец, по-видимому, не знал. Интересно, он действительно друг сына герцога? И если так, то как же, черт побери, эти два столь далеких один от другого мира столкнулись в крохотном домике викария в небольшой деревушке, затерянной в глуши Скалистого края?

Причина всему – золото, обещанная королем награда. Она бы никогда сюда не вернулась – Шарлотта не могла даже в мыслях называть это место своим домом, – если бы не шанс получить пять тысяч фунтов для себя и Мэгги. А как только она их получит, то сразу сделается благопристойной незамужней тетешкой своей племянницы и поселится в какой-нибудь другой деревушке. Шарлотта Перл, Шарлотта Перри, миссис Смит – все они тогда исчезнут. Что ж, давно пора.

Шарлотта подняла с пола шаль. Она уже собиралась отправиться в спальню Мэгги, когда в дверь постучали.

– Это он! – воскликнул отец. – Раньше, чем я ожидал! – Пастор ужасно волновался и явно пребывал в растерянности. – Но такой громкий стук недопустим... Он мешает твоей матери. О, не приказать ли подать чай?..

– Сначала нужно открыть дверь, – резонно заметила Шарлотта. – Мне вызвать служанку – или открыть самой?

– Открой быстрее, открой сама. А Баррет тоже нет поблизости. И ведь понадобилось ей развешивать белье именно в тот момент, когда к нам прибывает гость. Что он подумал, увидев на веревках простыни?

– Папа, не думаю, что это его смутило.

Изобразив радостную улыбку, Шарлотта направилась к парадной двери. И она уже заготовила вежливое приветствие, теша себя слабой надеждой, что Фрост, возможно, не узнает ее по голосу. Но открыв дверь и увидев загорелое лицо морского лейтенанта, она вдруг почувствовала, что ее деланая улыбка внезапно сменилась совершенно искренней.

– Здравствуйте, мистер Фрост, – сказала Шарлотта.

Он приподнял брови и тоже улыбнулся.

– О, миссис Смит!.. Какая приятная неожиданность! Вы служите в доме викария?

– Не совсем так. – Вместо того чтобы сразу же впустить гостя в дом, Шарлотта вышла к нему за порог. – Прежде чем вы войдете, мне нужно вам кое-что сказать, мистер Фрост.

Глава 3

– Видите ли, в здешних местах я известна как мисс Перри, незамужняя дочь преподобного Джона Перри и его жены, – продолжала Шарлотта. – Я не живу в доме викария постоянно. Добрые жители Строфилда считают, что бо?льшую часть времени я провожу в путешествиях, занимаясь разными богоугодными делами.

Бенедикт молча кивнул, наслаждаясь мелодичным голосом собеседницы. Он не имел возможности любоваться округлостями женских грудей и линиями бедер, но ему очень нравился голос этой женщины и аромат, ее окутывавший. От миссис-Смит-она-же-мисс-Перри пахло свежим бризом, пропитанным обещанием дождя. Бенедикт с облегчением вдохнул. Его путь через деревню к дому

викария был извилист и часто прерывался, потому что нужно было спрашивать дорогу у тех, кто попадался ему на пути. Но теперь он ликовал. Впервые за долгое время рекомендательное письмо Хьюго к мистеру и миссис Перри казалось ему большой удачей, а не просто еще одной тростью, на которую можно было опереться.

Мисс Перри молчала, явно ожидая ответа, и Бенедикт, улыбнувшись, сказал:

– Вы сообщили мне о том, что думают жители Строфилда, – но мне-то что следует думать о вас?

– Мистер Фрост, вы можете думать все что угодно, что пожелаете. Но все же поверьте, я действительно дочь хозяев этого дома, урожденная мисс Перри. Однако я редко здесь бываю.

– А что касается богоугодных дел, то это, выходит, неправда?

Собеседница снова улыбнулась – он услышал улыбку в ее голосе.

– Ну, это зависит от того, какие занятия считать богоугодными.

– Признаться, мисс Перри, вы меня заинтриговали своими рассуждениями о добродетели.

– Мистер Фрост, у нас говорят: «Когда ты в Строфилде – делай как строфилдцы». Что же до моих представлений о добродетели, то они в данный момент обсуждению не подлежат.

В данный момент – да, возможно. Но все же эта женщина вызывала у Бенедикта все больший интерес.

– Видите ли, мистер Фрост... – Шарлотта тихонько вздохнула. – Я не назвала вам свое настоящее имя прежде всего потому, что не рассчитывала когда-нибудь снова вас увидеть.

– Не кажется ли вам, что в таком объяснении нет логики? Ведь все наоборот... Люди чаще рассказывают правду именно тогда, когда ничем не рискуют.

– Но ко мне это не относится. Во всяком случае – здесь, где всем знакомо имя Шарлотты Перри, дочери местного викария, весьма скромного человека.

Значит, Шарлотта... Наконец-то его новая знакомая вдобавок ко всем своим фамилиям назвала и свое имя. Бенедикт уже мог сказать, что она среднего роста – среднего для женщины, конечно же. А звуки ее имени наводили на мысль о пушистых локонах, дерзко вздернутом носике и прекрасных голубых глазах. Возможно, он ошибался по всем этим пунктам, но все равно... Значит, Шарлотта. Ему очень нравилось ее имя. И он охотно принял ее объяснения.

– То есть вы хотите, чтобы местные жители знали вас только в роли дочери викария, верно?

– Да, именно так. Но я приехала сюда по тем же причинам, что и вы, мистер Фрост. Я ищу украденные монеты, чтобы получить королевскую награду.

– Значит, мы с вами союзники в нашем общем деле.

– Или конкуренты, – заметила Шарлотта.

Проклятие! Бенедикт не мог понять, шутила она или нет.

– Но как же мне теперь вас называть? – спросил он.

Шарлотта медлила с ответом. Наконец тихо сказала:

– Пока мы в доме викария, зовите меня мисс Перри. Но не думаю, что мы встретимся где-нибудь еще.

«Хм... насчет этого мы еще посмотрим», – подумал Бенедикт. Весело улыбнувшись, он произнес:

– А у меня везде одно и то же имя. Если хотите, можете называть меня просто Фростом. А теперь мне хотелось бы встретиться с остальными членами вашей семьи.

– Да-да, конечно, – отозвалась Шарлотта. – Мы и так уже слишком долго стоим у порога. Давайте пройдем в дом. Сделайте один шаг вперед, потом один вверх.

Бенедикт так и поступил. Затем протянул руку и провел пальцами по дверному косяку.

– А дальше?

– Прямо вперед... примерно три ярда. Потом будет поворот налево. Мой отец ждет вас в передней гостиной. – Шарлотта закрыла за гостем дверь и отступила в сторону.

Бенедикт стукнул тростью в пол – удар давал глухой отголосок, и, следовательно, они находились в прихожей. А теперь... Теперь, значит, три ярда. А потом она предоставила ему самому найти дорогу. Что ж, очень хорошо.

Шарлотта быстро прошла в гостиную и сказала несколько слов отцу. Викарий тотчас кивнул и проговорил:

– Лейтенант Фрост, для меня большая честь познакомиться с вами. Письмо от лорда Хьюго Старлинга... – Викарий на мгновение замялся. – В общем, он сообщил мне о ваших достижениях.

Но Бенедикт не знал, что именно Хьюго написал викарию. По-видимому, его друг упустил одну очень существенную подробность...

– Господин, викарий, это для меня огромная честь – познакомиться с вами. Спасибо за ваше гостеприимство. Надеюсь, вы меня простите, если вам покажется, что я говорю, не глядя вам в лицо? Видите ли, я совершенно слеп. – Бенедикт издал короткий смешок. – Полагаю, Хьюго забыл об этом упомянуть. Он иногда бывает очень забывчив.

– Вы зовете лорда Старлинга просто по имени?... – изумился викарий. – Хотя... Да-да, конечно. Друг есть друг.

Бенедикту казалось, что преподобный Джон Перри занимал слишком узкое место в пространстве. И, судя по всему, он был довольно высок. К тому же

викарий был явно не в своей тарелке. Потому что гость оказался не таким, как он ожидал? Или он всегда так себя вел?

– Э-э... а вы действительно написали книгу? – поинтересовался викарий.

– Я надеялся, что будет книга. Но пока это всего лишь рукопись. Отчет о моих недавних путешествиях по Европе.

– И вы... э-э... написали ее сами?

– Каждую строчку. – Викарий был так растерян, что Бенедикту стало его жаль. – Я использовал специальное приспособление под названием ноктограф. Если хотите, я позже могу вам показать, как оно действует. Ноктограф позволяет писать в полной темноте.

– Маме бы это пригодилось под конец работы, когда свеча догорает, – негромко заметила Шарлотта.

– О, это удивительный прибор. Если миссис Перри любит работать, когда уже темнеет, она может найти его весьма полезным, – сказал Бенедикт. – Она дома? Могу я познакомиться с хозяйкой?

– О да, конечно! – воскликнул викарий. – Только... лучше не беспокоить ее в кабинете.

– Мистер Фрост, моя мать будет счастлива с вами познакомиться, как только поймет, что вы приехали. Но это может произойти не сразу.

И снова Шарлотта пришла ему на помощь. Бенедикт мысленно улыбнулся и вновь заговорил:

– Я прекрасно все понимаю, поскольку дружу с лордом Хьюго. И еще потому, что я вырос при книжном магазине, которым владели мои родители. О, я знаю, каковы ученые... Вспышку вдохновения нельзя прерывать ни при каких обстоятельствах, кроме пожара или наводнения.

– Насчет наводнения не уверена, – заметила Шарлотта. – А пока... Не хотите ли чаю?

– Нет, спасибо. Я основательно подкрепился в «Свинье и плед».

– А как же ваш багаж? Скоро он прибудет?

– Багаж остался в «Свинье и плед». Хозяин обещал доставить его еще до обеда.

– Но вы, вероятно, захотите немного освежиться, – сказал викарий. И тут же шепотом обратился к дочери: – Шарлотта, я не знаю, заказала ли твоя мать обед.

– Папа, я об этом позаботилась. Все сделано. Мы обедаем в пять.

Мисс Перри сказала, что редко бывала в доме викария. Но он, Бенедикт, находился здесь всего несколько минут, а уже не мог представить, как ее родители управлялись без нее.

– Мистер Фрост, позвольте проводить вас в вашу комнату, – сказала она.

Викарий издал звук протеста? Или ему показалось? Если и издал, то мисс Перри явно решила поступить по-своему. И Бенедикт снова мысленно улыбнулся. Он с удовольствием пойдет с Шарлоттой Перри.

Как только они вышли в коридор, ее аромат в узком пространстве стал вполне отчетливым. Запах по-прежнему напоминал Бенедикту бриз и сочную траву после дождя. А если более прозаично... Вероятно, дело в том, что она шла по высокой траве. Но иногда проза бессильна.

– Кабинет моей матери – направо, – сказала Шарлотта. – Когда мама там, то дверь закрыта, и ее не открывают, если только, как вы предположили, не случится пожар или потоп. Она владеет древнегреческим так же свободно, как английским. Ее переводы высоко ценят по всей Англии.

– Да, это так, – согласился гость. – Они привлекли внимание и лорда Хьюго.

Казалось, на Шарлотту это имя не производило такого впечатления, как на ее отца.

– Столовая – чуть дальше, – продолжала она. – А здесь – лестница на второй этаж. Сосчитать для вас ступеньки?

– Да, пожалуйста.

Послышался тихий шепот Шарлотты.

– Всего – восемнадцать, – подытожила она. – И они низкие, так что ставьте ноги осторожно. Служанка не раз роняла поднос с чаем, оступившись на этой лестнице.

– Буду иметь в виду. Спасибо, мисс Перри.

Про себя Бенедикт отметил и другое: очевидно, слуги не пользовались черной лестницей. Интересно, почему? Наверное, дом викария был очень старый и ветхий, поэтому все ходили по одной лестнице. Вероятно, и комнаты здесь маленькие...

На втором этаже Шарлотта показала ему дорогу в ванную комнату и как действовать насосом. Оказалось, что для этого ручку следовало повернуть довольно мудреным способом. Затем она объяснила, где расположены спальни членов семьи, после чего сказала:

– А сейчас я объясню вам, где находится комната для гостей. Так, дайте-ка подумать, как описать вашу комнату... Ну, если входная дверь на юге, то выходит, что дверь вашей комнаты обращена на север. Да-да, дверь на севере, а камин... на западе. Поскольку день теплый, камин сейчас не горит, но вы можете позвонить слуге, если захотите, чтобы развели огонь. А на ночь, конечно, слуга растопит камин, – добавила Шарлотта.

Потом она стала объяснять ему расположение всего остального. Кровать, столик для умывания с кувшином и тазом, письменный стол и стул... Когда Шарлотта закончила объяснения, послышался вдруг тихий скрип двери в противоположном конце коридора – как будто дверь быстро открылась и

закрылась.

– В доме есть еще кто-то? – спросил Бенедикт. – Я слышал, как скрипнула дверь.

– Это Мэгги, – пояснила Шарлотта. – Вы встретитесь с ней за обедом. Мэгги – внучка моих родителей, милая десятилетняя девочка.

– Ваша племянница?

– Да. Дочь моей покойной сестры Маргарет, названная в ее честь.

Человек зрячий, возможно, не уловил бы легкой дрожи в ее голосе. Но такой человек, вероятно, прочел бы что-то на лице, возможно – скорбь. А он слышал, что Шарлотте было больно произносить эти слова.

– Сожалею о вашей потере, – сказал Бенедикт.

– Благодарю вас. – После очень короткой паузы Шарлотта снова заговорила, на этот раз – скороговоркой. – Шнурок звонка для вызова слуги – справа, к северу от кровати. Чтобы задернуть занавески на окнах или полог на кровати, вы просто...

– Мисс Перри, остановитесь. Вы объяснили все, что я только мог пожелать, и даже сверх того. – Как будто у него могла возникнуть нужда задернуть шторы! С тех пор, как зрение стало его подводить, ухудшаясь с каждым днем, ему стало все равно, попадает ли солнце в комнату или нет.

Она на мгновение замерла. Затем села на кровать – судя по звуку. А потом вдруг вскочила и проговорила:

– Что ж, мистер Фрост, а теперь я вас покидаю до обеда. – Шарлотта направилась к двери.

Она явно была напряжена – с той самой секунды, как упомянула сестру и племянницу. А Бенедикту хотелось, чтобы она расслабилась.

– Прошу вас, подождите, – пробормотал он. – Скажите, какого цвета... все здесь?

– Простите, вы о чем?

– Ну, какого цвета покрывало на кровати, шторы... Как они выглядят? – Он замялся. – Видите ли, я лишился зрения всего лишь четыре года назад, и мне не хватает подробностей...

Она снова к нему приблизилась.

– Да, действительно, я ведь дала вам неполную картину, только контуры – и никаких красок.

– Вы говорите, как художник.

– О боже, нет, конечно! Но я довольно много времени провела среди этих ветреных созданий. – Шарлотта откашлялась. – А вы интересуетесь искусством? То есть раньше интересовались?

– Не больше, чем все остальные люди. Но теперь живопись для меня потеряна. Хотя... Если договориться с каким-нибудь другом, чтобы он отвлек зрителя музея, то я еще смогу получить удовольствие, проводя пальцами по скульптуре.

Собеседница закашлялась, потом со смехом сказала:

– Что может быть большей честью для скульптора, чем знать, что его шедевр ощупывают.

Бенедикт тоже рассмеялся. Шарлотта же подошла к нему еще ближе и остановилась с ним рядом.

– Никто из нас не художник, – сказала она, – но думаю, вас вполне удовлетворит мое описание комнаты.

– Я тоже так думаю, – кивнул Бенедикт.

– Но с чего бы начать? – Шарлотта снова кашлянула. – Так, умывальник – из темного орехового дерева. Сверху на нем есть царапины, в том месте, где

множество раз ставили кувшин и двигали таз, когда наливали и выливали воду. Драпировки на окне – оливковые, из окна же открывается вид на земли нашего соседа Селвина. Мы находимся на краю вересковой пустоши, а у Селвина есть прекрасные пастбища.

– Кто такой этот Селвин?

– Эдвард Селвин – местный сквайр. – Она на несколько шагов отошла. – Кроме того, он... В общем, это одна из тех легкомысленных художественных натур, о которых я упоминала. В наших краях Селвины – одни из самых крупных землевладельцев.

Бенедикт вытянул руку и нащупал кроватьный столбик.

– А кровать? Как она выглядит?

– Покрывало на кровати – лоскутное, с цветочным орнаментом, светлого шелка. Остов кровати – из такого же темного ореха, как умывальник, но в лучшем состоянии. А кроватьные шишечки часто полируют.

Бенедикт с трудом удержался от улыбки.

– Вы имеете в виду – на столбиках со стороны изголовья?

– Да, конечно. Что еще я могла иметь в виду?

– Не могу себе представить, – отозвался Бенедикт. Он вдруг понял, что ему очень хотелось провести пальцами по лицу Шарлотты. Словно она была той самой скульптурой, которую он с удовольствием бы ощупал в музее. Но если бы он начал к ней прикасаться, ему бы не захотелось останавливаться. А действительно, каково это – провести пальцами по ее лицу, проследить линию шеи, а затем – накрыть ладонью грудь и вдохнуть ее аромат... Конечно, такая женщина – с ее-то тайнами – никак не могла быть девицей. И если бы он попросил разрешения до нее дотронуться, то она вполне могла бы ответить «да». Но он не должен об этом просить. Он приехал сюда в поисках денег, а не ради возни между простынями. Привязать к себе женщину, будь то на день, на неделю или на всю жизнь, – в этом нет для него награды.

– Возможно, это будет слишком дерзко с моей стороны, однако... – Бенедикт на мгновение умолк. – Могли бы вы описать... свою внешность?

– Мистер Фрост, а имеет ли это значение?

Она явно насторожилась. Наверное, ему следовало бы ответить «нет», но все же...

– Конечно, имеет. По крайней мере – не меньшее, чем царапины на умывальнике, а о них вы мне рассказали с готовностью.

– Весомый аргумент. – Она вздохнула. – Итак, мой рост... Полагаю, вы его уже определили. А волосы у меня такие же темные, как у вас, но прямые, тогда как ваши вьются.

Значит, все-таки у нее темные волосы. Бенедикт помнил, что в волосах его отца проседь появилась еще до того, как отцу исполнилось тридцать. Интересно, седели ли его волосы таким же образом? Как странно – не знать оттенков собственных волос...

– А какого цвета ваши глаза?

– Зеленые, но не ярко-зеленые. И, предваряя ваш следующий вопрос, сообщаю: у меня нет веснушек. Нос же у меня среднего размера, все зубы на месте.

– Последнее обстоятельство особенно радует, – с усмешкой пробормотал Бенедикт.

Описание внешности Шарлотты казалось довольно подробным, но все же оно не давало представления о том, как она выглядела. Однако он понял: впечатление такой воздушной мягкости оказалось совершенно ошибочным. Шарлотта Перри была не облачком, а бризом в человеческом обличье – освежающим и сильным, сильнее, чем можно было бы ожидать.

– У вас еще есть вопросы? – слышался ее голос.

– Ни одного, который я бы осмелился сейчас задать, – ответил Бенедикт с плутоватой улыбкой. «Пускай подумает над этой загадкой», – добавил он мысленно.

Тут донесся какой-то стук, и Шарлотта тотчас шагнула к двери.

– Вероятно, доставили ваш багаж из «Свиньи и пледа», – сказала она. – А слуги сейчас заняты обедом и стиркой, поэтому не подходят к двери. У нас так часто бывает. Мистер Фрост, может, мне спуститься и поговорить с человеком из постоянного двора? Или вы предпочитаете сами это сделать?

– А вдруг это какой-то гость к вам? Я не хочу мешать. Сделаем так... Я провожу вас до лестницы, а если потребуется, то спущусь.

Он сосчитал шаги от двери комнаты до лестницы. И всего лишь один раз коснулся стены. Шарлотта же быстро спустилась по восемнадцати ступеням, и вскоре с первого этажа донесся голос викария:

– Не могу допустить, чтобы этот ужасный стук беспокоил твою мать!

Затем входная дверь открылась, и раздался голос хозяина постоянного двора:

– Викарий, вы срочно нужны!.. – Причем этот человек говорил так, что было ясно: он немного запыхался. – Да-да, вы срочно нужны в гостинице, срочно...

– Мистер Поттер, – это был голос Шарлотты, – а вы привезли вещи мистера Фроста? Ведь вы же...

– Мне нужен викарий, – перебил взволнованный хозяин гостиницы. – Нэнси, мою служанку, ударили ножом. Мы уже сообщили об этом констеблю и сыщику с Боу-стрит. А также и вызвали доктора. Но они ничем не могут ей помочь. Викарий, придите и помолитесь над бедняжкой... на случай, если она скончается.

Где-то в коридоре второго этажа скрипнула дверь, и тотчас же кто-то тихо вскрикнул.

– Мэгги все слышала, – в ужасе прошептала Шарлотта. – Ах, папа, прошу меня извинить. Мистер Поттер, примите мои глубочайшие соболезнования. Я буду молиться за выздоровление Нэнси.

Поспешно сделав реверанс – все ее мысли были обращены к девочке на втором этаже, – Шарлотта стала быстро подниматься по лестнице. Потом, проскользнув мимо мистера Фроста, она вошла в спальню своей племянницы.

Мэгги сидела на кровати – худенькая миниатюрная фигурка в аккуратном платьице в цветочек. Буйные светло-каштановые кудряшки девочки чуть покачивались – было ясно, что она быстро подбегала к двери, а затем столь же быстро бежала обратно. А рядом с ней лежал Капитан – поджарая гончая лет пятнадцати. Капитан давно уже потерял гибкость и проворство, а его коричневатая шкура местами поседела. Мэгги погладила пса по голове, упорно глядя в пол, – хотя, наверное, слышала, как вошла ее тетя. Та села рядом с девочкой на кровать с таким же лоскутным покрывалом, как и в комнате мистера Фроста. Шарлотта и ее сестра сшили оба эти покрывала много лет назад. На шитье ушли недели кропотливого труда, и на протяжении всего этого времени Шарлотта ненавидела каждый стежок. Но сейчас она была рада этим покрывалам. Ей очень хотелось как-нибудь утешить племянницу, и она, собравшись с духом, проговорила:

– Ты ведь слышала, что сказал мистер Поттер, правда, дорогая?

Девочка со вздохом кивнула. Шарлотта тоже вздохнула и положила руку на плечо племянницы. Мэгги казалась такой худенькой, такой хрупкой... Но десять лет – уже не тот возраст, когда человек позволяет, чтобы его утешали, как утешают малышей. Поэтому Шарлотта просто похлопала девочку по плечу и снова вздохнула.

– Нэнси поправится? – слышался тоненький голосок из-за завесы кудрей. – По-моему, она была милая.

Шарлотта вполне могла представить, что Мэгги думала о Нэнси. Она вспомнила себя десятилетнюю – худую как палка и ужасно неловкую. В этом возрасте такая

цветущая и яркая молодая женщина, как Нэнси, казалась бы ей прекраснейшим существом на свете.

– Она не была милой, она и есть милая, – поправила девочку Шарлотта. – Мистер Поттер сказал, что кто-то ее ранил, но он уже вызвал доктора. А папа, то есть дедушка, поможет ей успокоиться.

Вместо ответа Мэгги молча погладила темные бархатистые уши Капитана. Старый пес повилял хвостом и положил голову на колени девочки. Хотя имя Капитан дала питомцу тринадцатилетняя Шарлотта, когда отец принес домой щенка, этот веселый игривый пес всегда считался собакой старшей из сестер Перри. Она дала имя и второму щенку, ирландскому спаниелю с кудрявой коричневой шерсткой. Фриппери был спокойным и преданным псом, правда, он иногда угрожающе рычал, но никогда никого не кусал. Именно он стал другом и спутником Шарлотты, когда она бегала по Строфилду и украдкой проскальзывала на земли Селвинов, чтобы исследовать тамошние пещеры. А Маргарет больше нравилось дома, где Капитан часто укладывался у ее ног, когда она сидела за рукоделием.

Фриппери умер несколько лет назад, но Шарлотта в то время уже давно не жила дома. Маргарет же в первый год после свадьбы тяжело заболела и сошла в могилу вслед за своим молодым мужем. Остались только эта девочка с ее именем и уже старая гончая. И остался тот же самый дом викария, где родители Шарлотты с каждым годом все больше сидели и становились все более рассеянными.

На стенах были все те же обои в мелкий цветочек, поклеенные еще во времена юности сестер, но над кроватью висела новая полка, на которой стояли книги и маленькая оловянная лошадка. Время неумолимо бежало вперед, и маленькая Мэгги менялась, подрастала... А ведь она, Шарлотта, даже не знала, какая у племянницы любимая книга...

Шарлотта быстро заморгала, смахивая слезы. Потом судорожно глотнула. Ей следовало успокоиться, чтобы поговорить с племянницей. Заставив себя улыбнуться, она спросила:

– Ты уже знаешь, что я поживу в твоей комнате?

Девочка кивнула и тут же прошептала:

– Тетя, зачем ты приехала?

«Ради тебя. Ради нас всех», – подумала Шарлотта.

– Видишь ли, я... Ведь я уже очень давно не приезжала. – Конечно, она не ответила на вопрос, но и не солгала. – Милая, ты помнишь, когда я приезжала в прошлый раз?

– Кажется, помню. Мне тогда было шесть лет. – Девочка снова погладила гончую. – Ты заплетала мне косички и вплетала в них шелковые ленты, да?

– Да, верно. Зеленые, под цвет твоих глаз.

Шарлотта прикусила губу. Сколько же ночей за прошедшие четыре года, ложась в постель, она молилась, чтобы ей приснился тот короткий визит... Она мысленно говорила: «Господи, дай мне снова ее увидеть – пусть даже только во сне. Дай мне вспомнить мягкость ее волос, вспомнить, как я сажала ее к себе на колени и обнимала...»

Шарлотта снова улыбнулась и тихо сказала:

– И я часто думала о том, что ты очень милая.

Девочка на мгновение замерла. Потом отбросила за спину свои распущенные волосы и покосилась на тетю. Шарлотта же вспомнила, как кто-то говорил, что «юная Мэгги Кэтлетт обещает вырасти красавицей». Полная чушь! Она уже была красавицей. Была красавицей с того самого дня, как появилась на свет.

– Ты тоже очень милая, – пробормотала девочка. Потом вдруг отвернулась и уставилась куда-то в пространство.

– Не знаю, надолго ли я смогу остаться, – снова заговорила Шарлотта. – Но потом, когда я уеду... Можно я буду тебе писать? Мне бы хотелось иметь подружку, с которой можно переписываться.

Мэгги кивнула и вновь покосилась на тетю. Над зелеными, как у всех Перри, глазами чуть приподнялись брови, и девочка спросила:

– А почему ты не пишешь бабушке и дедушке?

Шарлотта заставила себя рассмеяться.

– О, но они и так знают обо мне вполне достаточно.

Да уж, вполне достаточно... Все десять лет, прошедшие с тех пор, как Шарлотта покинула Строфилд, ее родителям следовало знать только одно: она жива и находится достаточно далеко, так что не будет ставить их в неловкое положение. Она им все-таки писала, но редко получала от них ответ. Шарлотта иногда задавалась вопросом: а читали ли родители ее письма?

Потрогав нитку, выбившуюся из шва лоскутного покрывала – наверняка это был один из тех стежков, что делала она сама, – Шарлотта сказала:

– Если хочешь, могу сегодня вечером расчесать твои волосы и заплести косички. Можешь сама выбрать цвет лент. Я привезла много разных... из своих путешествий. – Она чуть было не сказала «из Лондона».

– А ты мне расскажешь о тех местах, где побывала?

– О, я думаю, тебе будет скучно. Но я расскажу тебе разные истории. Как тебе такая идея?

Эти рассказы будут содержать отдельные крупницы правды о ее жизни – но только те, что подходили для ушей десятилетнего ребенка. Хотя она могла бы рассказать и о вечерах, наполненных вином и остроумием, а также о доме, где обои с позолотой, а вся мебель красная. Могла бы рассказать и о женщинах, у которых множество поклонников и которые, однако же, не могут выбрать одного-единственного.

Ей ужасно не хотелось лгать Мэгги, рассказывая о своей жизни, но рассказать девочке правду она никак не могла. И, конечно же, ей следовало скрывать свои чувства – беседуя с Мэгги, она должна была казаться спокойной и вполне

уверенной в себе. А если ей удастся найти украденные монеты, если она сможет потребовать награду в пять тысяч фунтов... О, тогда она больше ни о чем не будет жалеть.

Ее лондонская жизнь хорошо оплачивалась, но этих денег хватило бы только на побег. Впрочем, теперь ее дом в Мэйфере опустел, она продала почти все, обратив вещи в деньги, которые, в свою очередь, пошли на взятки. В Строфилд она вернулась с несколькими сундуками вещей – их было ненамного больше того, что она десять лет назад увезла в Лондон – восемнадцатилетняя грешница, едва вступившая в пору женственности и увековеченная на полотнах Эдварда Селвина...

Тяжело вздохнув, чувствуя давно знакомую тяжесть на сердце, Шарлотта проговорила:

– Что ж, мне пора идти. Нужно проверить, как идет подготовка к обеду. К тому же... Полагаю, твой дедушка вернется домой усталый и печальный... Так что надо хотя бы покормить его как следует, правда? – Встав с кровати, Шарлотта присела на корточки рядом с девочкой. Откинув назад волосы, упавшие Мэгги на лицо, она спросила: – Ты со мной согласна?

Мэгги нахмурилась, потом кивнула.

– Тетя Шарлотта, а можно мне взять с собой вниз Капитана? – спросила она.

– Но его ведь обычно не пускают в столовую, не так ли? Так что лучше не надо. Но он может подождать в коридоре, за дверью. Приятно сознавать, что старый друг поблизости, правда? – добавила Шарлотта с улыбкой.

Мэгги ответила подобием улыбки, и ее тетя тотчас же вышла из комнаты.

Бенедикт Фрост стоял на пороге гостевой спальни, и нерешительное выражение его лица являло разительный контраст с военной формой.

– Мисс Перри... – пробормотал он.

– Да-да... – Шарлотта подошла к нему. – Мистер Фрост, чем я могу вам помочь?

Понизив голос до шепота, гость проговорил:

– Прошу вас, поверьте, у меня нет намерения за вами шпионить. Я всего лишь... не хочу ляпнуть что-нибудь невпопад. Поэтому у меня к вам вопрос.

Шарлотта насторожилась. По спине ее пробежал холодок.

– Я вас слушаю, – ответила она так же тихо.

– Скажите, мисс Мэгги знает, что вы – ее мать? – Бенедикт не жалел, что задал такой вопрос, хотя он подозревал, что это разрушит приятную непринужденность их общения.

И в тот же миг Шарлотта судорожно вцепилась в рукав гостя и, втолкнув его в комнату, тотчас закрыла за собой дверь.

– Нет, Мэгги не знает и не должна узнать, – прошептала она. – Но как вы... Как вы догадались?

Бенедикт не мог бы сказать, как именно он догадался. Возвращаясь в свою комнату после того, как Шарлотта вошла в комнату Мэгги, он услышал, как она разговаривала с девочкой, услышал, что ее голос стал другим – словно что-то задело струну, ведущую прямоком к ее сердцу. И точно так же изменился ее голос, когда она до этого заговорила о своей «племяннице».

– Я по вашему голосу понял, как сильно вы ее любите, – попытался объяснить Бенедикт. – Но дело не только в любви к этой девочке. Видите ли, в вашем голосе – такая глубокая боль, что ее, казалось, ничем невозможно утолить.

Судорожно сглотнув, Шарлотта проговорила:

– Если она услышит в моем голосе любовь, в этом не будет ничего плохого. Но она не должна узнать остальное. Если Мэгги считается ребенком моей сестры, которая была замужем, то она – законнорожденная. И тогда ей в жизни будет легче.

– А вам? – Бенедикту хотелось взять ее руку в свои, но он сдержался.

– Самое большее, что я могу сделать для своей дочери, – это быть ее тетей, – ответила Шарлотта, и слова ее были полны грусти... и решимости.

Протянувшись к ней, Бенедикт коснулся ее руки.

– Мисс Перри, вы очень храбрая, – пробормотал он.

– Мне пришлось стать такой, мистер Фрост, – ответила Шарлотта. Их руки на мгновение соединились. – И вам тоже пришлось стать таким же.

Через несколько секунд Шарлотта вышла из комнаты.

– Надеюсь, ваша поездка в Чешир не причинила вам неудобств. Я вызвал вас сюда как почитатель вашего таланта. – Маркиз Рэндольф, сидевший за письменным столом, откинулся на спинку стула и посмотрел на гостя из-под полуопущенных век.

– Да, милорд, – пробормотал Эдвард Селвин. – То есть... Я имею в виду, что нет, милорд. Никаких неудобств. Это большая честь для меня. – Такая честь, что он едва сознавал, что говорил.

Поместье Рэндольфа в Чешире казалось Эдварду воплощением роскоши. Если в его доме в Строфилде полы были из дерева или сланца, то здесь они были мраморные. Его стены были отделаны резными деревянными панелями или оклеены обоями, а у Рэндольфа дымоходы были мраморные, а стены декорированы расписными шелками. Но больше всего радовало то, что на почетном месте, на стене, у которой стоял письменный стол маркиза, висела одна из его, Эдварда, картин. Написанная маслом и навеянная произведениями Боттичелли, картина эта представляла Венеру, выходящую из морских волн. То была одна из его ранних работ, но по-прежнему – самая любимая.

– Милорд, это огромная честь для меня, что вы обратили внимание на мое искусство, – продолжал Эдвард, стараясь говорить одновременно и уважительно, и уверенно. – Для меня было бы большим удовольствием написать ваш портрет.

Рэндольф был сказочно богат, и он, несомненно, обладал огромным влиянием. Маркиз мог бы, наконец, взять Эдварда под покровительство, которого ему давно не хватало. И тогда он стал бы вторым Гейнсборо, вторым Лоренсом...

– Портрет – не совсем то, о чем я думал. – На письменном столе маркиза стоял графин с бренди, а рядом – два стакана. Рэндольф налил щедрую порцию в каждый из стаканов и протянул один Эдварду. – Я подумывал о выставке ваших работ. О большой выставке.

Запах бренди ударил Эдварду в нос. Он прибыл всего час назад и надеялся на обед или хотя бы легкую закуску. Для бренди было, конечно, слишком рано. Но у маркизов свои представления о том, что и когда положено. Эдвард сделал небольшой глоток и пробормотал:

– Превосходное бренди. И прекрасная идея... насчет выставки. Я знаю одну галерею в Лондоне, которая бы...

– Я еще не определился с местом, – перебил маркиз. – Но, скорее всего, это будет... не в Лондоне.

Эдвард в недоумении заморгал.

– Э-э... Но ведь Королевская академия художеств проводит выставки именно в Лондоне. Если стоит задача... – он кашлянул, – продвигать творчество художника, то логичнее всего было бы...

– Да-да, хорошо. – Рэндольф скрестил руки на груди. Заметив, что тот не притронулся к бренди, Эдвард поставил свой стакан на стол. – Честно говоря, мне нужна информация... о вашей модели, – добавил маркиз.

Эдвард почему-то поднял глаза и посмотреть на картину за его спиной. На темноволосую Венеру. Прямые пряди ее волос ниспадали водопадом на обнаженное тело, прикрывая его – и в то же время как бы открывая. А ее единственной «одеждой» было ожерелье из бриллиантов и изумрудов.

– Если вы сообщите то, что мне нужно, – добавил Рэндольф, – тогда я позабочусь о вашей выставке.

Эдвард колебался. С тех пор как он восемь лет назад женился на дочери графа, он привык иметь кое-какие секреты. Впрочем, секрет был только один.

Тут Рэндольф наконец-то поднял свой стакан и проговорил:

– Независимо от того, где состоится эта выставка, я обещаю: результат пойдет вам на пользу.

«Новый Лоренс... Новый Тернер... Так же хорош, как Гейнсборо...» – промелькнуло у Эдварда.

Снова взяв свой стакан, он чокнулся с хозяином поместья и спросил:

– Что вас интересует, милорд?

Глава 5

Во время обеда Бенедикт наконец-то познакомился как с Мэгги, так и с миссис Перри. Войдя в столовую, он поклонился внучке викария как взрослой женщине. Он помнил, что его сестре Джорджетте в детстве очень нравилось, когда с ней обращались как со взрослой.

– Мистер Фрост, – с улыбкой сообщила Мэгги, – я делаю вам мой самый лучший реверанс.

– Не сомневаюсь в этом. – Бенедикт тоже улыбнулся. Услышав чьи-то шаги, он повернулся к двери.

– А... слепой путешественник... – послышался незнакомый женский голос. – Мистер Фрост, добро пожаловать в дом моего мужа викария. И знаете... Обычное приветствие не даст вам почувствовать себя желанным гостем, ведь вы нас не видите. Может, нам стоит пожать друг другу руку?

– Да, если желаете. – Бенедикт протянул руку. – Хотя мне вполне достаточно ваших приветственных слов.

Зная, что жена викария посвятила жизнь ученым занятиям, Бенедикт ожидал встретить эфемерное создание с мечтательным голосом. Но оказалось, что у матери Шарлотты весьма решительный тон... и на удивление крепкое рукопожатие.

– А теперь все садитесь, – распорядилась миссис Перри. – Фрост, вытяните левую руку, и вы схватитесь за спинку стула. Вот так, правильно. Теперь мы можем начать трапезу. Поскольку все уже готово, нет причин дожидаться викария.

Бенедикт полагал, что человек, ушедший поддержать умирающую служанку в последние мгновения ее жизни, заслуживал хотя бы того, чтобы дома его ждал горячий обед и сочувствие родных. Но он не стал перечить хозяйке. Отыскав стул, он уселся за обеденный стол. Последовавшее затем шарканье и скрип стульев свидетельствовали о том, что его сотрапезницы также заняли свои места. Он догадывался, что Шарлотта и Мэгги сидели напротив него, а хозяйка – в торце стола.

Обед был сервирован на обычный французский манер, когда все блюда сразу выставляют на стол. Бенедикт уловил аромат жареной говядины и каких-то овощей в пряном маслянистом соусе.

– Мистер Фрост, – сказала Шарлотта, – описать вам расположение блюд по сторонам света?

Не удержавшись от улыбки, он спросил:

– А вы помните, в какой стороне север?

– О боже, для человека, у которого в голове пусто, это слишком сложно. Что, если я опишу вам стол как циферблат часов? – Бенедикт молча кивнул, и Шарлотта продолжала: – На девяти часах от вас стоит баранина, на трех часах – рыба.

Затем она объяснила расположение овощей, и Бенедикт довольно неплохо справился, накладывая еду на свою тарелку так же, как это делали другие. Один раз он промахнулся мимо блюда с горошком и царапнул вилкой по столу, но кто-то, ни слова не говоря, просто пододвинул горошек поближе.

Все блюда были простыми, но хорошо приготовленными, так что он был вполне доволен. К тому же о нем здесь заботились... А вот на борту корабля... О, там все по-другому.

Когда Бенедикт съел примерно половину всего, что положил себе на тарелку, открылась входная дверь. А затем последовала обычная возня – шорох одежды и шарканье подошв. Потом вдруг послышался какой-то стук – словно передвигали мебель. После чего – негромкий разговор. И входная дверь закрылась.

Через несколько секунд слышались шаги преподобного Джона Перри, а затем – его голос.

– О, вы сели за стол без меня! – воскликнул викарий.

– Но ведь все было горячим, – отозвалась его жена. – Я уверена, ты бы не хотел, чтобы труд кухарки пропал даром.

– Да-да, конечно, – пробормотал мистер Перри. – Фрост, слуга доставил из «Свиньи и пледа» ваш сундук.

Так вот что означал тот стук... Бенедикт кивнул и поблагодарил. Потом тихо спросил:

– А как... Нэнси? – Он вдруг сообразил, что не знал ее фамилии.

– Теперь она упокоилась, бедняжка, – со вздохом ответил викарий, занимая пустой стул во главе стола. – Будут проводить расследование. Коронер созывает суд присяжных. Меня вызовут как свидетеля, – снова вздохнув, добавил преподобный.

– Дедушка, у тебя неприятности? – с тревогой в голосе спросила Мэгги. – Тебе придется опять от нас уйти?

– Это нельзя назвать неприятностями, моя девочка. Им нужна помощь, вот и все. – Викарий помолчал, собираясь с мыслями. – Однако ума не приложу, что коронер захочет у меня узнать. Ведь я просто читал молитвы... Как вы полагаете, миссис Перри, они захотят, чтобы я вспомнил, какие именно молитвы? Но я уже не помню. Был очень взволнован, как вы понимаете...

– Нет-нет, папа, – сказала Шарлотта. – Не думаю, что в данном случае это имеет значение. Главное – ты находился с ней рядом в момент ее кончины.

– Но ее руки... Поттер хотел, чтобы я скрестил ей руки на груди, как только она скончалась. Имеет ли это значение? Я колебался, хотя мне, наверное, не следовало медлить. Но потом я, конечно, сделал все так, как хотел Поттер.

– Нужно будет сообщить ее родным, – сказала миссис Перри.

– У нее нет родных, – ответил викарий. – Она осиротела три года назад. И тогда же стала служанкой на постоялом дворе.

– Строфилд – вот ее семья, – тихо произнесла Шарлотта. – Постоянным посетителям «Свиньи и пледа» будет ее очень не хватать.

– Вероятно, один из них и совершил это... деяние, – пробормотал викарий. – Ужасное деяние. Нэнси мало что могла об этом рассказать. Она очень ослабела... и словно потеряла рассудок. Говорила что-то, но я не мог понять, что именно.

Бенедикту хотелось спросить, понял ли викарий хоть что-то из слов девушки, но он решил, что сейчас не следовало задавать такой вопрос.

– Жаль, что я не пошла с тобой, – заявила миссис Перри. – Возможно, я что-нибудь поняла бы.

– Может, и так, – согласился викарий. – Но я разобрал только отдельные слова. Она несколько раз повторила «кошачьи глаза» и «накидка». И все время дрожала. Вероятно, от холода. Ведь тепло жизни покидало ее... – со вздохом добавил викарий.

– Папа, поешь, – вмешалась Шарлотта. – Ты, должно быть, проголодался. Давайте обсудим все это позже.

– А разве нам нужно это обсуждать? – пробормотал викарий.

– Нет, конечно, если ты не хочешь. – Шарлотта немного помолчала, потом вновь заговорила, и в голосе ее тотчас появилась какая-то особенная теплота. – Мэгги, дорогая, положить тебе горошка или картошки?

– Я хочу погладить Капитана, – пробормотала девочка.

Бенедикт догадался, что это – та самая любимая старая гончая.

– После обеда, дорогая, – ответила Шарлотта.

Мэгги молчала, но Бенедикт не слышал скрипа стула, из чего заключил, что девочка осталась за столом. Возможно, даже ела. Казалось, Мэгги была очень послушной и не возражала, когда за ней кто-то присматривал. Впрочем, Бенедикт бы не удивился, если бы девочка проводила больше времени со слугами, чем с родственниками. Ведь ее дед был постоянно чем-то озабочен, а бабушку больше интересовало прошлое, а не настоящее. У него в детстве было почти так же. Повсюду – книги, которые, казалось, смеялись над ним из-за того, что ему никак не удавалось разобрать, что же в них написано, хотя читать-то он вроде бы умел... И Бенедикт часто убегал на кухню, где все было понятно и где было гораздо веселее.

Но потом, оказавшись на борту корабля, он первое время тосковал по дому – хотя, конечно, не в том смысле, что ему хотелось вернуться к «книжной» жизни в доме родителей. Нет, он тосковал по месту, где мог чувствовать себя непринужденно, где слышалось уютное звяканье горшков и где звучали хорошо знакомые голоса. Иногда его просили подать или принести, а потом хвалили за хорошо выполненную работу, которую он не должен был делать.

В детстве та старая кухня олицетворяла его мальчишеские представления о доме, но это был единственный дом в его жизни. А вот будет ли у него когда-нибудь другой дом – этого Бенедикт не знал.

– Мистер Фрост... – Голос жены викария прервал ее мысли. – Мистер Фрост, ваш друг сообщил в письме, что вы написали книгу. О чем же она?

– Лорд Хьюго, – уточнил Джон Перри. – Его друг – это лорд Хьюго Старлинг, хотя мистер Фрост зовет его просто по имени.

Невольно улыбнувшись – в голосе викария слышались и благоговение, и упрек, – Бенедикт утвердительно кивнул.

– Да, это так. Мы с лордом Хьюго познакомились в Эдинбурге через год после того, как я ослеп. Мы оба изучали медицину. Обладая необычайно живым умом, Хьюго просто хотел заняться чем-то новым. Ну, а я... Я знал, что не смогу больше служить во флоте, и потому решил...

– Но вы же не сможете быть практикующим доктором, – заметила миссис Перри. – С вашим зрением это невозможно.

– Совершенно верно, мэм. Я знал, что не смогу стать доктором, но это было лучше, чем сидеть в моей тихой комнате в Виндзорском замке.

– В замке?... – прошептал викарий. – Вы жили в замке?..

Бенедикт откашлялся и проговорил:

– Ну, в реальности это не столь грандиозно, как можно подумать. В замках темно, а комнаты в них – очень маленькие. И вот я, как «Морской Рыцарь Виндзора», в качестве пенсии получил там жилье.

– Но сейчас вы, кажется, не в Виндзорском замке, – с улыбкой заметила Шарлотта.

– Совершенно верно. Я на время покинул свое жилище. И не в первый раз.

Конечно, он был благодарен за предоставленную ему комнату и содержание в несколько фунтов, на которое можно было жить, но, увы, ко всему этому прилагалось множество обязательств.

– Именно поэтому я смог провести какое-то время в Эдинбурге, – продолжал Бенедикт. – Но в конце концов я почувствовал потребность заняться чем-то другим... Знания ради самих знаний – это не совсем то, чего мне хотелось бы. Вот почему после года учебы я ее оставил и начал искать себе новое занятие.

– И на чем же вы остановились? – спросила Шарлотта.

– На путешествиях.

– Что в этом хорошего? – пробормотала миссис Перри.

– Вы спрашиваете, что хорошего в окружающем нас мире? Я не могу ответить на ваш вопрос, пока не побываю во всех его уголках.

– И в каких же уголках вы уже побывали? – допытывалась Шарлотта. – И что вы там нашли? – Бенедикт услышал улыбку в ее голосе.

– О, найти можно много интересного. Впрочем, те места, где я побывал, – не такие уж отдаленные. А книга о моих путешествиях – правда, пока это лишь стопка рукописных страниц – примечательна только тем, что ее написал слепой.

– Нет-нет! – возразила Шарлотта. – Ведь ее написал бывший моряк, к тому же – изучавший медицину. Таких людей не так уж много...

Бенедикту было приятно слышать, что о нем отзывались подобным образом. И ему очень хотелось спросить: «А что еще вы могли бы обо мне сказать?»

– Но как же вы писали, будучи слепым? – удивилась жена викария.

– При помощи ноктографа, – пояснил викарий. Казалось, он был рад возможности вставить слово в разговор. – Этот удивительный прибор позволяет писать в темноте.

– В самом деле?.. – В голосе миссис Перри звучал неподдельный интерес. – Мистер Фрост, мне хотелось бы узнать, как он работает.

– Я вам покажу после обеда, – пообещал Бенедикт.

Поскольку его сундук теперь стоял в доме викария, у него снова были при себе все нужные вещи, в том числе – и ноктограф. А вот его рукопись – из-за отношения к ней лондонских издателей – теперь уже не казалась ему столь уж ценной. Но стоило ли придавать значение мнению издателей? Ведь Шарлотта, наверное, права... И действительно, много ли еще найдется таких, как он? Его история уникальна. И нужно просто найти того, кто захочет, чтобы он ее рассказал.

После обеда Мэгги взяла собаку, дожидавшуюся за дверью, и повела ее на прогулку – в коридоре послышался стук собачьих когтей по паркету. А Бенедикт стал подниматься по уже знакомым восемнадцати ступеням, подтягивая со ступени на ступень свой сундук. Поставив сундук в ногах кровати, он отпер его и на ощупь нашел между аккуратными стопками одежды ноктограф. Прибор был уложен среди мягких вещей – для сохранности. Затем Бенедикт отнес ноктограф вниз и пошел на звук голосов. Все переместились из столовой в гостиную, где он впервые встретился с викарием. Войдя в комнату, Бенедикт приветливо улыбнулся и спросил:

– Кто хочет первым взглянуть на него?

– Первой его должна увидеть миссис Перри, – торжественно объявил викарий.

– Она сидит рядом с моим отцом, – подсказала Шарлотта.

У Бенедикта не было при себе трости, а без нее он не мог сразу сориентироваться в комнате. Поэтому, чуть помедлив, он пошел на голос викария, выставив перед собой ноктограф и молясь, чтобы на его пути не попались какие-нибудь оттоманки или чайные столики, на которые он мог бы налететь. К счастью, они не попались, и миссис Перри уверенно взяла из его рук прибор.

– Итак, мистер Фрост... Покажите, как он работает, – сказала она; сплошная деловитость – никаких сантиментов.

Что ж, Бенедикт предпочитал именно такой подход. Честно говоря, ему нравилось демонстрировать работу ноктографа. Этот прибор позволил ему освоить письменную речь.

У него за спиной слышались легкие шаги – подошла Шарлотта и заглянула ему через плечо. И теперь Бенедикт демонстрировал семейному трио прибор, казавшийся на первый взгляд небольшим деревянным столиком для еды в постели. Но затем, когда он открыл крышку, внутри оказалась металлическая рамка с линейками, за которую вставлялся лист бумаги. Сама же бумага была не простая, а особая, полностью покрытая чернильной краской, так что любое нажатие на нее оставляло след. Используя металлические линейки как направляющие, можно было стилусом выводить на бумаге слова, располагая их ровными рядами.

– Мне говорили, что сейчас мой почерк аккуратнее, чем был до того, как я потерял зрение. – Тут Бенедикт вставил и закрепил лист чернильной бумаги, на которой нацарапал два слова – «Дорогая Джорджетта». – Это моя сестра, – пояснил он. – Мне нужно написать ей и сообщить, что я доехал благополучно.

– Она за вас беспокоится? – спросила Шарлотта.

– Думаю, чаще дело обстоит наоборот, потому что она намного моложе меня. Если она пришлет ответ... Может, кто-нибудь из вас прочитает его мне?

– Да, конечно, – ответила Шарлотта. – Тем временем ноктографом снова завладела миссис Перри. – Я бы хотела прочесть вашу рукопись. В мире так много мест, которые я никогда не видела.

Бенедикт помнил ее слова о том, что она якобы занималась богоугодными делами в разных уголках света. Интересно, чем же она на самом деле занималась?

– Пожалуйста, читайте, – сказал он. – Может быть, вы могли бы почитать немного и мне. По прошествии времени... Видите ли, я не уверен, что все правильно записал. Я ведь многое когда-то видел.

– Мне нужно заказать такой прибор для работы по вечерам, – заявила миссис Перри. – Мистер Фрост, а вы знаете, что Тиресий был слепым?

– Прошу прощения, мэм, но это имя мне не знакомо.

– Это мифический пророк из Фив в Древней Греции. Богиня его ослепила, но в обмен он получил дар пророчества.

– Мне бы такой дар, – с усмешкой сказал Бенедикт. – А я получаю только половинное жалование от Королевского флота и небольшую пенсию от «Морских Рыцарей».

– И еще комнату в Виндзорском замке, – добавил викарий.

А миссис Перри, явно оживившись, вновь заговорила:

– О, это захватывающая история! Либо у древних греков воображение было богаче нашего, либо мир в те времена был гораздо интереснее, чем сейчас. Тересия ослепили после того, как его просили разрешить спор между Зевсом и Герой относительно...

– Мама, можно мне взглянуть на ноктограф? – перебила Шарлотта. – Спасибо, мама. Просто передай через плечо. Да, вот так. Я его уже держу.

Почему же она перебила мать? Может, так заинтересовалась ноктографом? Бенедикту очень хотелось думать, что Шарлотту действительно заинтересовал прибор, без которого он теперь не мог обходиться.

Следующие несколько минут миссис Перри, как новоиспеченный эксперт, объясняла дочери, как работает ноктограф. Затем вдруг спросила:

– Мистер Фрост, почему вы лишились зрения?

Поскольку вопрос, казалось, был задан не из праздного любопытства, а из научной любознательности, которой были отмечены все прочие вопросы этой дамы, Бенедикт тотчас же ответил:

– Как-то раз, в Южной Америке, я заболел тропической лихорадкой. Не знаю, как она называется, но она влияет на людей по-разному. Некоторые становятся хромыми, некоторые умирают. У меня сильно болели суставы, а потом – голова. После чего стало слабеть зрение.

Все на некоторое время замолчали. Первая заговорила Шарлотта.

– А у вас до сих пор остались боли?

– Нет, боли прошли. Но это было небольшим утешением.

Сейчас Бенедикт говорил об этом совершенно спокойно, хотя кошмары тех дней ему не забыть никогда. Корабль тогда превратился в плавучую больничную палату, и малейший луч солнца резал глаза точно нож. Он закрывал крошечное окно каюты множеством занавесок, но ничего не помогало, и боль терзала его день за днем. А зрение все слабело, и в мир его пробиралась темнота, которая в конце концов поглотила его окончательно. Теперь для него больше не существовало света. Бенедикт горевал всю обратную дорогу до Англии. Он скорбел о потере зрения и о том, что плавание для него закончилось. Когда же корабль прибыл в порт, он твердо решил, что должен забыть о жалости к себе. При содействии капитана Бенедикт подал прошение о пенсии. Получив первые деньги, он купил себе трость с металлическим наконечником и начал учиться ориентироваться в этом мире по звукам. И чем дольше он учился, тем больше ему хотелось учиться. Жена викария спросила, что хорошего в путешествиях. Он не мог ответить на этот вопрос, но в самих поисках ответа была определенная ценность. Любые поиски имели ценность, – иначе какой смысл жить?

Бенедикт подумал о Нэнси, молоденькой служанке, которую убили. А может, это убийство каким-то образом связано с королевской наградой? Впрочем, задавать подобные вопросы слишком рано. Сначала следовало кое-что выяснить. Однако и сейчас было ясно: поиски сокровищ сопряжены с опасностями, от которых не защититься притворным неведением и тростью с металлическим кончиком.

Глава 6

Осмотрев ноктограф, Шарлотта вышла из комнаты, чтобы посмотреть, где Мэгги. День клонился к вечеру, и в сумерках дорога казалась темной лентой. А на небольшой лужайке между домом викария и дорогой Мэгги играла с Капитаном. Она пятилась, помахивая перед собакой палкой, и что-то ей говорила.

Шарлотта расстелила на траве шаль и, усевшись на нее, крикнула:

– Мэгги, только не заходи на землю Селвинов!

Девочка кивнула и бросила палку. Капитан с любопытством повернул голову. Но мышцы старой собаки ослабели, и она не могла быстро бегать, поэтому тихонько потрусил в сторону палки рядом со своей юной хозяйкой.

Четыре года назад – Шарлотта тогда в последний раз была в Строфилде – она допустила ошибку, когда привезла с собой щенка. Это был кудрявый пудель, которого после долгих уговоров ей подарил один ее немецкий поклонник. Повязав на шею собачке большой бант из синей шелковой ленты, она представила Мэгги пушистого черно-белого щенка. «Дорогая, он составит тебе компанию, если что-нибудь случится с Капитаном». Но Мэгги заплакала и не успокаивалась до тех пор, пока щенка не увезли из дома викария. Шарлотта отдала его тому единственному человеку, которому могла сообщить о происхождении пуделя, – отдала Эдварду Селвину, чей приезд в Строфилд весьма неудачно совпал с ее визитом. Сосед заверил Шарлотту, что его дети будут любить собаку. Получив в ответ уничтожающий взгляд, которого его слова и заслуживали, он засмеялся и уточнил:

– Мои другие дети.

Последовал еще один гневный взгляд – ведь она не раз просила Эдварда никогда не говорить о таких вещах, особенно – после его женитьбы на ледяной леди Хелене.

У Шарлотты в юности был песик Фриппери, который очень ее любил. Капитан же относился к ней всего лишь с симпатией, которую собака проявляет к любому, кто с ней хорошо обращается. И отношение Мэгги к Шарлотте было примерно таким же – то была симпатия ребенка к родственнице, которую малышка едва знала. И вот Шарлотта решила, что если она сможет сделать так, чтобы Капитан ее полюбил, то, возможно, Мэгги последует его примеру.

– А можно мне бросить для него палку?! – крикнула она.

Мэгги замаялась. Отбросив упавшую на лицо прядь волос, ответила:

– Тетя Шарлотта, я еще сама не наигралась. Я хочу еще побросать палку.

Шарлотта улыбнулась, скрывая боль, столь часто терзавшую ее.

– Ладно, хорошо. Ты замечательно бросаешь.

Подбросив вверх палку, Мэгги ловко поймала ее и подбежала поближе к Шарлотте.

– Я научила его разным трюкам, – сообщила девочка. – Хотите посмотреть? Он умеет ложиться всякий раз, когда я ему говорю.

«И во многих других случаях тоже», – подумала Шарлотта, глядя, как старая гончая, утомленная пробежкой, валяется на траве.

– Ой, смотрите! Наверное, Капитан услышал, что я сказала! – Мэгги отошла от Шарлотты и снова подошла к собаке. – Капитан, вставай ловить палку! – закричала она.

Собака нехотя поднялась. И в тот же миг дверь дома открылась, и на крыльце появился Бенедикт.

– Эта собака старше меня по званию, – сказал он с улыбкой. – Думаю, я должен отдать ей честь.

Шарлотта тоже улыбнулась.

– О, мистер Фрост, не думаю, что для Капитана важно, отдадите ли вы ему честь или нет, но Мэгги это понравится.

– Ваша матушка еще не готова расстаться с ноктографом и вернуть его мне. Можно к вам присоединиться?

– Да, конечно. Если хотите, можете сесть рядом со мной. Я расстелила на траве шаль.

Мистер Фрост спустился с единственной ступеньки и тотчас же – без малейших колебаний – направился к ней. Он был поразительно наблюдателен и очень хорошо все запоминал. Казалось, ни одна подробность не оставалась незамеченной или забытой. Этот слепой человек прокладывал свой путь в мире зрячих с необычайной уверенностью. Все-таки странно... Еще совсем недавно она, Шарлотта, не знала о существовании этого человека. А теперь он узнал ее секрет... Точнее – один из секретов. Она ничего о нем не знала, но думала – то есть надеялась, – что он не обманет ее доверия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мэйфер – фешенебельный район Лондона. – (Примеч. пер.)

Купить: https://tellnovel.com/romeyn_tereza/fortuna-blagovolit-greshnym

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)